

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ МАЛАКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дальневосточное отделение
Национальный научный центр морской биологии им. А.В. Жирмунского

RUSSIAN FAR EAST MALACOLOGICAL SOCIETY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Far Eastern Branch
A.V. Zhirmunsky National Scientific Center of Marine Biology

БЮЛЛЕТЕНЬ
Дальневосточного
малакологического общества
Вып. 28
№ 2

Очерки по истории российской малакологии
Редакторы М.В. Винарский, К.А. Лутаенко и И.О. Некаев

THE BULLETIN
of the Russian Far East
Malacological Society
Vol. 28
N 2

Essays on the History of Russian Malacology
Guest Editors: Maxim V. Vinarski, Konstantin A. Lutaenko and Ivan O. Nekhaev

Владивосток • Vladivostok
2025

<https://doi.org/10.24866/1560-8425/2025-28-2/5-53>

Триста лет малакологии в России (к 300-летнему юбилею Российской академии наук)

M.B. Винарский

*Санкт-Петербургский государственный университет,
С.-Петербург 199034, Россия*

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН, С.-Петербург 199034, Россия
e-mail: radix.vinarski@gmail.com*

<https://orcid.org/0000-0002-7644-4164>

В краткой форме рассмотрены основные этапы развития малакологических (кроме палеомалакологических) исследований в России, начиная от эпохи Петра Великого и до наших дней. Охарактеризована деятельность ведущих ученых и научных школ в области малакологии. Приведены количественные данные, отображающие динамику прироста музейных коллекций и числа активно работающих малакологов в разные исторические периоды. Обсуждается роль Академии наук и академических учреждений в организации и институционализации малакологических исследований в России.

Ключевые слова: история малакологии, этапы развития, Россия, Российская академия наук.

Three hundred years of malacology in Russia (on the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences)

Maxim V. Vinarski

St. Petersburg State University, St. Petersburg 199034, Russia

*S.I. Vavilov Institute of History of Science and Technology, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg 199034, Russia
e-mail: radix.vinarski@gmail.com*

<https://orcid.org/0000-0002-7644-4164>

The main stages of the development of malacological (except for palaeomalacological) research in Russia, starting from the era of Peter the Great and up to the present day, are delineated and briefly reviewed. The activity of leading scientists and scientific schools in the field of malacology is characterised. Quantitative data showing the dynamics of the growth of museum collections and the number of actively working malacologists in different historical periods are given. The role of the Russian Academy of Sciences and academic institutions in the organisation and institutionalisation of malacological research in Russia is discussed.

Key words: history of malacology, stages of development, Russia, Russian Academy of Sciences.

Исчерпывающая летопись отечественной малакологии ещё не создана. Её первым историографом следует признать А.Ф. Миддендорфа (1815–1894). Этот крупный зоолог и путешественник (рис. 1), будучи сам выдающимся исследователем моллюсков, в 1848 г. опубликовал подробный очерк, посвященный изучению этой группы животных в Российской империи, где отрефериравал, видимо, все имевшиеся на тот момент работы по данной теме [Middendorff, 1848]. В наши дни подобное предприятие представляется невозможным, так как российская малакологическая библиография насчитывает уже многие десятки монографий и тысячи статей. Освоение этого громадного материала историками науки – дело будущего.

В последние полтора–два десятилетия у нас наблюдается подъем интереса к изучению прошлого российской малакологии, что выразилось в появлении ряда статей по этому вопросу [Винарский, 2010, 2019; Кутикова, Алимов, 2012; Лутаенко, 2016; Смирнов, 2020; Тихонова, 2021; Anistratenko et al., 2018; Vinarski, 2020, 2021; и др.]. Особый жанр историко-малакологических публикаций представляют работы, посвященные каталогизации и иллюстрации типовых матери-

алов видов, описанных отдельными малакологами-систематиками. Число подобных работ, посвященных отечественным специалистам (или малакологическим материалам, собранным ими, но обработанным иностранными учеными), также растет [Иванов, Сысоев, 2000; Лутаенко, Волвенко, 2009; Sitnikova et al., 2014, 2017; Lutaenko, 2015; Lutaenko, Chaban, 2016; Anistratenko et al., 2018, 2019, 2021; Sitnikova, 2019; Shirokaya et al., 2019; Vinarski, 2019]. Сравнительно немногочисленными остаются в нашей литературе публикации, посвященные истории отдельных малакологических коллекций [Иванов, Кантор, 1991; Лутаенко, Даркина, 1994; Лутаенко, Нечаева, 1998; Манаков, 2022; Ivanov et al., 1993; Martynov, 2002]. Несмотря на появление перечисленных выше статей и книг, многие исторические детали остаются ещё неизвестными, а вклад отдельных отечественных исследователей в познание моллюсков – не охарактеризованным.

Данная работа не претендует на полноту изложения всего накопленного историко-научного материала по истории

Рис. 1. А.Ф. Миддендорф в 1840-е гг. – в период проведения им интенсивных малакологических исследований. По: Сухова, Таммиксаар [2015].

Fig. 1. A.F. Middendorff in the 1840s during the period of his intensive malacological research. According to Sukhova, Tammiksaar [2015].

малакологии в России, чего и невозможно достичь в объеме журнальной статьи. Соображениями объема определяется и выбранный мной прием к подаче данных. Выдержать последовательно наиболее простой – летописный – подход к изложению материала оказалось невозможным, так как это потребовало бы целой монографии. Поэтому наиболее детально излагается развитие российской малакологии до эпохи А. Миддендорфа (1847–1851 гг.), а для последующих периодов дается скорее анализ общих трендов и направлений, что позволяет касаться лишь узловых вопросов, таких как институционализация малакологических исследований в России, роль малакологов-любителей и их взаимодействие с профессиональным научным сообществом, изменения в деятельности практикующих малакологов, произошедшие после 1917 г., в эпоху, ознаменовавшуюся тотальным огосударствлением («советизацией») науки в стране. Особо я остановлюсь также на роли академических учреждений в истории российской малакологии. Это тем более уместно, что в феврале 2024 г. Российская академия наук отметила 300-летний юбилей, а даты такого рода, как известно, служат поводом для ретроспективного анализа прошлого и осмысления настоящего¹.

Объемом статьи обусловлена и её тематическая ограниченность. Я почти полностью оставил без внимания палеомалакологические исследования в России, которые еще ожидают своего историографа. Не рассматриваются специально и прикладные работы, включая изучение моллюсков как промежуточных хозяев паразитических червей и компонента зообентоса морских и континентальных вод. Таким образом, охвачены в основном исследования, посвященные систематике, фаунистике, географическому распространению и отчасти экологии рецентных моллюсков, обитающих на территории Российской империи и бывшего СССР и акватории омывающих ее морей.

Необходимо подчеркнуть, что представленный мной обзор основан на субъективном отборе фактов и персоналий и не претендует на окончательность выводов. Возможно, другой автор, работающий в области изучения морских или наземных моллюсков, предложил бы иной ретроспективный взгляд на историю нашей дисциплины и иное освещение фактического материала.

Допетровская эпоха. Фолкбиология и книжная премудрость

До начала XVIII столетия в России не было ничего, напоминающего научную зоологию, которая в странах Западной Европы развивалась уже с середины XVI в. Не было ни знатоков естественной истории, ни коллекционеров, ни классификаторов. Тем не менее, образованный русский человек, помимо своего бытового опыта,

¹Данная статья подготовлена по материалам доклада, прочитанного в сентябре 2024 г. на Второй международной конференции «Моллюски: биология, экология, эволюция и формирование малакофаун» (г. Архангельск), посвященной трехсотлетию Российской Академии наук [Винарский, 2024б].

мог получить некоторые сведения о моллюсках из доступной ему литературы. Древнерусские книжники знали не менее трех видов (точнее – родовидов) моллюсков – «жельвь» (морская жемчужная раковина), «червленица» (багрянка, *Murex* L., 1758 или *Purpura* Bruguière, 1789) и «сипия», то есть каракатица [Белова, 2001]. Знания о морских моллюсках проникали на Русь через посредство иностранных источников, часто неверно понимаемых, что порождало порой совершенно фантастические трансформации в описании животных. Так, каракатицу в древнерусской словесности знали как четвероногое животное, похожее на «маленькую коротконогую собачку», изрыгающую чернила. Происхождение жемчуга в морских раковинах объяснялось ударом молнии и т.п. [Белова, 2001]. Традиционное, донаучное (так называемое «фолкбиологическое») знание о мягкотелых, населяющих естественные биотопы, ограничивалось преимущественно видами, представлявшими меркантильный интерес. В первую очередь это относится к пресноводным жемчужницам (*Margaritifera margaritifera*), в течение долгих веков служивших объектом интенсивного промысла на Русском Севере [Бартенев, 1902; Беспалая и др., 2012]. Некоторые сведения об этом промысле можно найти уже в книге голландского дипломата, путешественника и географа Николааса Витсена (1641–1717) «Северная и Восточная Тартария» (1692 г.) – одного из первых в европейской литературе описаний нашей страны.

Ограниченностю донаучных знаний о моллюсках в России хорошо прослеживается при изучении народных названий для этих животных. Так, для обозначения брюхоногих моллюсков в русском языке широко используются только два понятия (я не рассматриваю здесь диалектные слова и варианты): «улитка» и «слизень», которые охватывают множество разных таксонов и не являются даже «родовидами», которые характерны для народных классификаций птиц, млекопитающих и растений [Павлинов, Любарский, 2011]. Насколько я могу судить, такова же ситуация в украинском языке, где систему «национальных» названий моллюсков разрабатывают специалисты-малакологи, а не «простые» носители языка, для которых все многообразие названий брюхоногих сводится к трем понятиям – «слимак», «равлик» и «слизняк» [Сверлова, 2003]. Почти все русские родовые названия континентальных моллюсков являются кальками с латинских научных названий, таких как прудовик (*Lymnaea* Lamarck, 1799), горошинка (*Pisidium* Pfeiffer, 1821), янтарка (*Succinea* Draparnaud, 1801), живородка (*Viviparus* Montfort, 1810), беззубка (*Anodonta* Lamarck, 1799) и т.п. Последнее название вообще не могло возникнуть «в народе» без ясного понимания, что представляют собой зубы на раковине двустворок и какую функцию они выполняют.

Западноевропейское влияние в допетровскую эпоху выразилось в том, что в собрании Оружейной палаты Московского Кремля в 1640-е гг., среди прочей «рухляди», оказались какие-то «раковины веницейские», а также «раковины белые морские» (цит. по: Станюкович [1953, с. 10]). Но Оружейную палату нельзя считать точным аналогом музеев и кабинетов редкостей, существовавших в те же

годы в Италии, Голландии и других странах. Никакого просветительского и тем более научного значения собранная в ней «рухлядь» не имела. Можно предположить, что упомянутые раковины попали туда в общем потоке «диковин», привозившихся из-за границы для царского обихода или в качестве подарков от иностранных гостей.

От петровской «натуральных вещей каморы» к Зоологическому музею Академии наук

Исторически сложилось так, что развитие малакологии в нашей стране началось не с личностей (специалистов-малакологов), а с коллекций. Знаменитая петровская Кунсткамера – первый публичный музей в России – была основана на десять лет раньше Академии наук (в 1714 г.), в которой, к тому же, на момент её основания, не было ни одного специалиста по зоологии беспозвоночных [Смирнов, 2011а; Копелевич, 2022]. Привезенные Петром из Европы или выписанные им через своих заграничных агентов коллекции раковин на первых порах некому было обрабатывать. Вплоть до 1770-х гг. в деятельности академических натуралистов доминировало «зоотомическое и физиологическое» направление, хотя коллекции продолжали пополняться сборами беспозвоночных [Серебряков, 1936].

Кунсткамера в её первозданном виде была типичным для Европы XVIII в. собранием натуралий и артефактов самого разнородного происхождения [Станюкович, 1953]. Принципы её обустройства соответствовали практике коллекционирования раннего Нового времени, когда в состав музеиных собраний помещалось всё мало-мальски диковинное, необычное, привлекающее внимание коллекционера. Раковины моллюсков (преимущественно морские – красивые и экзотические) были обязательным компонентом каждого естественноисторического «кабинета» того времени [Heppel, 1995] и в Западной Европе XVIII в. на некоторое время сделались объектом великосветской моды, получившей особое название «конхилиомании» [Dance, 1986].

Петр Первый начал знакомиться с европейскими натуралистами и покупать их собрания уже в ходе своей первой заграничной поездки – в составе так называемого «великого посольства» 1697–1698 гг. [Пекарский, 1862]. По словам историка Кунсткамеры А.Э. Серебрякова, царь «был страстным любителем музеев, посещал их во все часы дня и ночи и таскал своих спутников за собой» [Серебряков, 1936, с. 97]. В 1698 г. в Голландии им была куплена и привезена в Москву в Аптекарский приказ небольшая коллекция «рыб, птиц и гадов, сохраняемых в склянках» [Серебряков, 1936]. Позднее и сам Петр, и его европейские контрагенты и эмиссары продолжали эти приобретения, заложившие основу первого собрания Кунсткамеры.

Так, среди «натуралий», купленных Петром у известного голландского коллекционера А. Себы (рис. 2) за 15000 голландских флоринов, по описи 1715 г. значился кабинет «из самого доброго ост-индского кипарисного дерева; в нем

Рис. 2. Альберт Себа (1665–1736) и лист с изображениями морских раковин рода *Melo Broderip*, 1826 (семейство Volutidae) из иллюстрированного каталога его второго собрания (созданного после продажи первой коллекции Петру Первому). По: Seba [2017].

Fig. 2. Albert Seba (1665–1736) and a sheet with images of sea shells of the genus *Melo Broderip*, 1826 (Volutidae) from the illustrated catalogue of his second collection (created after the sale of the first collection to Peter the Great). After Seba [2017].

72 ящика – все предорогими и диковинными раковинами изукладены: привезены из Ост и Вест Индии и прочих дальних земель; которые [раковины] с великим прилежанием и трудолюбием от наилучших диковинных штук сбираны в место, состоящее в 1000 и более штуках. О чем верно доношу, что от сих куриозов полнее числом никто показати не может» (из русского перевода описания коллекции, составленного лично Себой; цит. по Пекарский [1862, с. 558]). Много подробностей о собрании Себы, поступившем в Россию, приведено в статье К.Б. Юрьева [1981].

Христиан Вольф, «его Величества прусского придворный советник, математики и физики профессор», в июле 1721 г. прислал Петру подробный обзор западноевропейских естественноисторических кабинетов, в котором упоминались и коллекции раковин. Например: «В Амстердаме аз обретох у Шеинфута полное собрание конхилиев, минералов и рисунков. Доктор Иобелирер не токмо имеет полный, но и начальнейший кабинет раковин, коральков, и дорогих камней темных.

Себа превосходит в анималиях и минералах. Тенкати и Шеит об оном тщатся, однако же до вышеупомянутого не доходят» [Пекарский, 1862, с. 549]. В самом начале XVIII в. зародилась и традиция обмена коллекциями с Западной Европой. Так, Фредерик Рюйш, известный голландский натуралист и анатом, в 1701 г., посыпая царю ряд натуралий из своего кабинета, просил: «Мы несумняемся, на Москве многие <...> удивительные бабочки и иные всякие гадины изобильно обретаются, которые бы нам вельми приятны были. Желал бы аз, дабы к нам прислали всяких жучков, прузии, великие муhi, оводы, дивные лягушки, змии, крысы, белки летучие и иные зверки в хлебном вине; также всякие маленькие рыбки, длиною с перстъ до пяди» [Пекарский, 1862, с. 521]. Известно, что Петр в ответ послал Рюйшу «несколько экземпляров ящериц и червей» [Пекарский, 1862, с. 9].

Можно предполагать поэтому, что конхологическая коллекция Кунсткамеры к концу жизни Петра представляла собой весьма богатое и представительное собрание, не уступавшее лучшим европейским аналогам. В 1724 г., когда была основана Петербургская академия наук (АН), Кунсткамера, вместе с её зоологическим кабинетом, вошла в состав нового научного учреждения, и к её просветительской функции добавилась и исследовательская. В проекте указа об основании АН, утвержденном Петром 22 января 1724 г., сказано: «чтоб академики в потребных способах и недостатку не имели, то подлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора открыта была» [Серебряков, 1936, с. 105]. Два десятилетия спустя Кунсткамера, вместе с вошедшим в её состав Физическим кабинетом, стала частью Академического музея (рис. 3), причем естественноисторические коллекции были

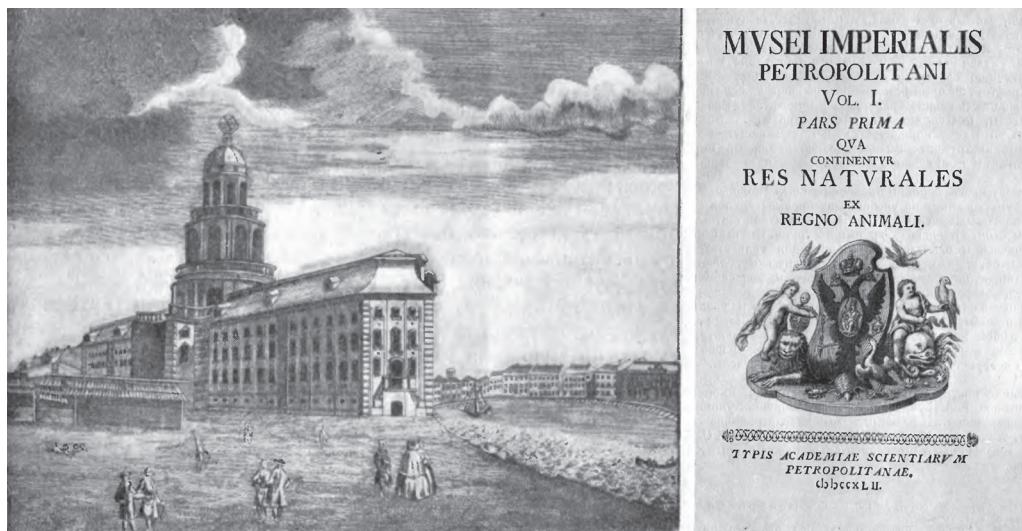

Рис. 3. Слева – здание Кунсткамеры в середине XVIII в., справа – титульный лист каталога зоологической коллекции Кунсткамеры 1742 г. По: Станюкович [1953].

Fig. 3. On the left – the Kunstkamera building in the mid-18th century, on the right – the title page of the catalogue of the zoological collection of the Kunstkamera, 1742. After Stanyukovich [1953].

выделены в особую Натур-камеру с Анатомическим театром [Станюкович, 1953]. История зоологического собрания Натур-камеры изложена в большом числе исследований [Брандт, 1865; Серебряков, 1936; Новиков, 1957; Смирнов, 2011а; и др.].

В петровскую эпоху в России появились и первые натуралисты-любители, владевшие приватными естественнонаучными коллекциями. Одним из первых собирателей такого рода стал сподвижник Петра Роберт Арескин (1677–1718) – шотландский медик на русской службе [Сытин, Сластунов, 2022]. Известно, что в его коллекции были раковины, причем не только купленные в Западной Европе, но и собранные в пределах России [Брандт, 1865; Серебряков, 1936]. После смерти Арескина это собрание было передано в Кунсткамеру.

Начало отечественной литературы по малакологии следует датировать 1730-ми гг.² Оно было мотивировано интересами практики. Самые ранние публикации были посвящены двустворчатым моллюскам-древоточцам (семейство Teredinidae) – проблеме, которая интересовала в те времена все морские державы (Англию, Голландию, Россию). Эти работы не были самостоятельными и представляли собой компиляции сведений из доступных западноевропейских источников. Они знакомили читающую публику с особенностями морфологии и биологии «морских червей» [Резниченко, 1961]. Известно, что М.В. Ломоносов также интересовался вопросами малакологии. Помимо древоточцев, он занимался и проблемой жемчуга, однако при жизни ученого написанные им работы на эту тему не увидели света [Резниченко, 1961].

Первым оригинальным сочинением по малакологии, возникшим на русской почве (хотя написанным по-латыни и иноземными специалистами), стал каталог конхологической коллекции Академического музея, опубликованный в составе общего описания её собрания [Amman et al., 1742; см. рис. 3]. Перечень раковин занял 77 страниц убористого текста, материал был упорядочен в соответствии с до-линнеевской (т.е. добиноминальной) номенклатурой, в которой не было привычного нам разделения на научное название таксона и его диагноз. Собственно, описание и служило наименованием вида, таким, например, образом: «*Trochus maximus, figura conoide, colore castaneo, linea spirali alba, notatis intervallo sulcatus*» [Amman et al., 1742, p. 176]. Несмотря на то, что составители каталога во многих случаях пользовались известными нам и теперь родовыми названиями моллюсков (*Buccinum* L., 1758, *Ostrea* L., 1758, *Voluta* L., 1758 и др.), унаследованными Линнеем от его предшественников, едва ли возможно с точностью определить таксономическое положение всех имевшихся в тот момент в коллекции раковин. Однако во многих описаниях даются ссылки на литературные источники, что позволяет до некоторой степени преодолеть эту трудность. Например, в вышеупомянутом примере с раковиной *Trochus* L., 1758 дается ссылка к монографии Румфа [Rumphius,

²Отсчет палеомалакологической библиографии следует вести с 1728 г., с появления статьи И.-Г. Гмелина «О членистых радиах» (альтернативный перевод названия «О громовых камнях»). В ней идет речь об ископаемых остатках животных, родственных наутилидам и белемнитидам, которые обнаруживаются на побережье Балтийского моря [Левин, 1957; Белковец, 1990; Gmelin, 1728].

1705] с указанием страницы и изображения раковины (табл. 21, рис. 12). Поскольку на книгу Румфа таким же образом ссылался Карл Линней [Linnaeus, 1758], то можно установить, что данный экземпляр Кунсткамеры соответствовал виду *Trochus telescopium* L., 1758 (*Telescopium telescopium* современной системы).

Из описаний Академического музея начала 1740-х гг. известно, что коллекции раковин в нем был отведен особый шкаф, где было выставлено около 650 экземпляров. Кроме того, большое число раковин было использовано для украшения других шкафов и музейных интерьеров [Серебряков, 1936]. Как это было типично для всего «конхологического» этапа развития науки о моллюсках, в составе коллекции раковинных животных находились и животные, филогенетически далекие от моллюсков, например усоногие раки.

К сожалению, история зоологического собрания Кунсткамеры оказалась очень непростой и изобиловала потерями и инцидентами, крупнейшим из которых стал пожар 5 декабря 1747 г. [Серебряков, 1936; Станюкович, 1953; Смирнов, 2011a]. Небольшое число экземпляров животных из первого собрания Кунсткамеры сохраняется в фондах Зоологического института РАН, однако работа по их идентификации сопряжена с большими трудностями. Среди этих дошедших до наших дней экспонатов упоминаются три обработанных резчиками раковины наутилуса (*Nautilus pompilius* L., 1758), атрибутированные как работа голландских мастеров второй половины 17 в. По обоснованному предположению Н.В. Слепковой с соавт. [Slepkova et al., 2003], эти раковины попали в собрание Кунсткамеры до 1742 г.

Роль Петербургской академии наук в изучении фауны России в 18 в. ярче всего выразилась в организации ряда масштабных экспедиций, участники которых посетили самые отдаленные уголки империи (Камчатка, Дауря, регион Каспийского моря, русские владения в Северной Америке и т.п.), собрали значительные естественноисторические коллекции и тем самым заложили фундамент для последующей инвентаризации отечественной фауны и флоры [Гнучева, 1940; Ширина, 1983, 1994].

Как выразился в свое время библиотекарь Академии И.Д. Шумахер, Петр Первый возымел «высокое намерение исследовать натуральную историю Российского государства и граничащих с ним стран» [Копелевич, 2022, с. 223]. В этих «физических», как их тогда именовали, экспедициях участвовали такие выдающиеся натуралисты, как Петр-Симон Паллас, Георг Штеллер, Иван Лепехин, Степан Крашенинников (рис. 4)³. Из них наибольший вклад в малакологию внес

³Первые, очень фрагментарные, сведения о моллюсках Азиатской России были получены еще в 1720-е гг. путешественником и натуралистом Д.Г. Мессершмидтом, отправленным за Урал «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семен и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы» [Сытин, Сластунов, 2022, с. 5]. Несколько видов моллюсков упомянуты в его отчете о путешествии, не изданном при жизни автора и увидевшем свет лишь в 2022 г. [Смирнов, 2022]. Путешествие Мессершмидта относится еще к доакадемическому периоду в изучении природы Российской империи.

Рис. 4. Германские и русские натуралисты XVIII – начала XIX в., внесшие вклад в изучение моллюсков. Верхний ряд – П.-С. Паллас (слева), С.-Г. Гмелин (справа). Нижний ряд – П.Г. Демидов (слева), Г.К. Разумовский [Razumovsky] (справа).

Fig. 4. The German and Russian naturalists of the 18th – early 19th centuries who contributed to the study of mollusks. Top row – P.-S. Pallas (left), S.-G. Gmelin (right). Bottom row – P.G. Demidov [Demidoff] (left), G.K. Razumovsky [Razumovsky] (right).

Паллас, о чем будет подробнее сказано ниже. В целом, однако, накопление знаний о малакофауне Российской империи шло медленно и не носило систематического характера. Комментированный обзор русской зоологической литературы XVIII в., выполненный В.Л. Левиным [1957], свидетельствует, что изучение малакофауны не находилось на первом месте в ряду интересов тогдашних натуралистов. Собственно малакологические публикации появлялись в отечественных научных и научно-популярных журналах крайне редко. Совершенно естественно, что большая часть зоологических работ того времени была посвящена позвоночным животным, а в научно-популярных изданиях – ещё и прикладным аспектам зоологии (пчеловодство, медицинское употребление животных; типичные заголовки статей: «О врачебных вещах, происходящих от оленей», «Новоизобретенный способ к размножению рыбы» и т.п.) [Левин, 1957].

Сравнительно слабый интерес к изучению моллюсков был характерен и для Палласа, по праву считающегося крупнейшим российским зоологом XVIII в. Об его трудах по изучению животного мира России и других стран написано довольно много [Световидов, 1978; Соколов, Парнес, 1993; Боркин, 2011; Смирнов, 2011a; Шишкин, 2012; Абайдулова, 2021]. Деятельность Палласа как члена АН можно рассматривать как свершившуюся институционализацию зоологии (и малакологии в том числе) в Российской империи. С его поступлением на русскую службу в 1767 г. начался важный процесс переформатирования зоологических коллекций, принадлежавших АН, приведший позднее к обособлению Зоологического музея как самостоятельного академического учреждения [Смирнов, 2011a]. В августе 1767 г. академическая комиссия передала в ведение Палласа *«из кунсткамерских вещей все, что до животного царства принадлежит <...> чтобы расположение оных каким образом в лучшей порядок привести и сохранить прямо и единственно от него зависело»* [цит. по: Станюкович, 1953, с. 142]. Можно сказать, что в этот момент он стал первым в российской истории профессиональным зоологом (хотя проводил исследования и в других областях науки, от ботаники до лингвистики). Ему предстояло навести порядок в накопленных почти за 70 лет зоологических коллекциях, которые почти не подвергались научной обработке. В то время характерной для нашего времени узкой специализации зоология ещё не знала. Профессионал должен был знать и изучать все таксоны животного мира. Паллас вполне соответствовал этому требованию. За год до переезда в Россию он опубликовал в Голландии монографию [Pallas, 1766] с описанием новых видов животных, принадлежащих самым разным группам – от млекопитающих до дождевых червей. Среди них был один вид морских моллюсков – *Anomia rubra* Pallas, 1766 (*Kraussina rubra* современной системы). В российский период своей биографии он также активно занимался описанием новых видов животных [Соколов, Парнес, 1993].

Что касается вклада Палласа в развитие российской малакологии, то он большей частью связан с находками и наблюдениями, выполненными им во время многолетнего путешествия по «разным провинциям Российской империи» (1768–1774). В ходе этой поездки Паллас и его спутники посетили различные местности

юга европейской России, Урала и Сибири на восток до Забайкалья. В отчете об этом путешествии малакологические наблюдения сводятся большей частью лишь к упоминаниям отдельных видов (так, в первом томе путевого очерка [Pallas, 1771] упоминаются такие виды пресноводных моллюсков, как *Helix auricularius* L., 1758, *Tellina cornea* L., 1758, *Neritina pupa* (L., 1767); во втором томе – представители семейства Unionidae). При этом в последних томах его отчета малакологические данные полностью отсутствуют, что Миддендорф [Middendorff, 1848] объяснял тем, что к концу пути Паллас «охладел» к моллюскам. Однако несколько лет спустя после возвращения из своего путешествия Паллас опубликовал статью [Pallas, 1788], в которой описывал несколько видов морских моллюсков с Курильских островов. Позднее, поселившись в Крыму, он исследует моллюсков юга России, включая мидий, устриц, виноградных улиток, двустворок *Solen* L., 1758 и *Teredo* L., 1758 в Чёрном море. В его трудах упоминается несколько видов наземных улиток, обитающих в крымских горах. К сожалению, Паллас не успел окончить свой капитальный труд по описанию фауны Российской империи (*Zoographia Rosso-Asiatica*). Том этого издания, посвященный моллюскам и зоофитам, так и не увидел света. Зоологические коллекции Палласа также в конечном итоге были вывезены из России и в наши дни хранятся в зарубежных музеях [Световидов, 1978; Шишкун, 2012].

Возможно, что наиболее крупное достижение Палласа как малаколога состоит в том, что он – наряду с С.Г. Гмелиным (см. рис. 4) – стал первооткрывателем уникальной, высокоэндемичной фауны моллюсков Каспийского моря, которое он обследовал в 1769 г. (о роли С.Г. Гмелина см.: Богуцкая и др. [2013]). Именно Палласу принадлежит честь открытия изменчивой дрейссены – *Dreissena polymorpha* (Pallas, 1771) – вида, входящего в глобальный список наиболее вредных инвазивных беспозвоночных (об истории этого открытия см.: Vinarski [2023]).

После отставки Палласа в составе АН в течение почти полувека не было специалистов-малакологов, что позволило Миддендорфу [Middendorff, 1848] писать о слабом вкладе Академии в познание малакофауны России.

Однако вторая половина XVIII в. – начало XIX в. ознаменовалась появлением в России других малакологических коллекций, помимо академической. Основанный в 1755 г. Московский университет довольно быстро обзавелся собственным кабинетом естественной истории, основу которого заложили пожертвования меценатов. Во второй половине XVIII в. в стране появилась небольшая прослойка образованных аристократов, которые интересовались естественной историей и составляли собственные коллекции [Вернадский, 1998]. Для нашей темы наиболее интересен П.Г. Демидов (1738–1821; см. рис. 4) – представитель известной династии уральских промышленников. Он учился в Геттингенском университете и Фрайбергской горной академии, переписывался с Бюффоном и Линнеем. В круг его научных интересов входили математика, физика, химия, минералогия, ботаника и зоология [Вернадский, 1998]. Свою большую естественно-историческую коллекцию Демидов в 1804 году подарил Московскому университету. История

конхологической части коллекции Демидова достаточно хорошо изучена [Иванов, Кантор, 1991; Ivanov et al., 1993]. Она содержала большое число экземпляров, относящихся преимущественно к тропическим видам (морским и наземным), не представленным в отечественной фауне. Большая часть этого собрания (до 85% от общего числа) была утрачена в 1812 г. во время оккупации Москвы войсками Наполеона. Ревизия, проведенная в 1872 г., показала, что почти 90% уцелевших экземпляров находятся в фондах музея. Они сохраняются в Зоологическом музее МГУ до сих пор [Иванов, Кантор, 1991]. История формирования современной малакологической коллекции этого научного учреждения изложена в работах М.В. Гептнера с соавт. [1991], Г.Ю. Любарского [2009] и И.Я. Павлинова [2016]. В настоящее время эта коллекция по таксономическому охвату и богатству хранящихся в ней типовых серий признается второй в России [Иванов, Сысоев, 2000].

Один из самых колоритных представителей русских аристократов второй половины XVIII в., увлеченных естествознанием, Григорий Кириллович Разумовский (1759–1837) – сын последнего гетмана «всех Малых России» К.Г. Разумовского, бывшего с 1746 г. по 1798 г. президентом Петербургской АН. Европейски образованный интеллектуал, член многих ученых обществ того времени, знаток геологии и минералогии, Г.К. Разумовский (см. рис. 4) большую часть жизни прожил за границей (в 1818 г. окончательно отказался от русского гражданства и перешел в австрийское подданство) и внес заметный вклад в познание геологии и естественной истории Швейцарии⁴. Разумовский стал первым уроженцем России, изучавшим малакофауну зарубежных стран. В своем сочинении, посвященном «естественной истории нагорья Жора и его окрестностей» [Razoumowsky, 1789], он представил небольшой список континентальных моллюсков. Один из описанных им видов наземных моллюсков – *Helix septemspiralis* – признается в современной системе под названием *Cochlostoma septemspirale* (Razoumowsky, 1789) (Clausiliidae).

Ещё один русский аристократ-коллекционер того времени – граф А.С. Строганов (1733–1811). В 1764 г. К. Линней получил из его собрания (через посредство своего ученика П. Фалька, переехавшего в Россию) три экземпляра раковин нового вида, описанного им позднее как *Strombus fissurella* L., 1767 (*Rimella fissurella* современной номенклатуры) [Dance, 1967]⁵.

⁴Николай Карамзин [1984, с. 149] писал о нем в начале 1790-х гг.: «Граф Григорий Кириллович Разумовский, ученый Натуралист. По любви к наукам отказался от чинов, на которые знатный род его давал ему право – удалился в такую землю, где Натура столь великолепна, и где склонность его находит для себя более пищи – живет в тишине, трудится над умножением знаний человеческих в царствах Природы, и делает честь своему отечеству. Сочинения его все на Французском языке».

⁵22 июня 1764 г. Фальк сообщал Линнею из Петербурга: «Г-н Демидов обещал прислать моему милостивому государю [т.е. Линнею – М.В.] несколько минералов из Сибири. <...> Прилагаемые (?) раковины я получил от г-на графа Строганова. У него их большое число. Происходят они, должно быть, из Франции, и каждая имеет такую вот окаменку (киль – М.В.) на боку» [Fries, 1912, p. 43]. Линней [Linnaeus, 1767, p. 1212] в первоописании вида отметил, что материал получен от графа Строганова, но ошибочно заключил, что раковины происходят из Ост-Индии. Сложная таксономическая и номенклатурная история этого ископаемого вида изложена в работе Пако и Понса [Pacaud, Pons, 2015].

Наконец, характеризуя состояние знаний о моллюсках в нашей стране в конце XVIII в. следует упомянуть об учебнике зоологии Василия Зуева (1754–1794), в молодости спутника Палласа в его сибирском путешествии, впоследствии – академика Петербургской АН, просветителя и популяризатора научных знаний. Учебник под заглавием «Начертание естественной истории» был подготовлен им в 1786 г., стал первым в России изданием такого рода и в течение сорока лет выдержал пять изданий [Райков, 1958]. Моллюскам («слизким и черепокожным червям») Зуев посвятил четыре с половиной страницы текста, где очень коротко изложил элементарные особенности биологии этих животных и их практическое использование человеком. Для иллюстрации приведу характерную выдержку из этого раннего малакологического текста на русском языке [Зуев, 1789, с. 425]:

«§ 151

Черепокожные суть такие черви, кои телом своим и всем видом похожи на Слизких; но сверх тянущейся своей кожи имеют известковой череп, с коим они родятся, до смерти с собою повсюду носят и который мы называем раковиною.

§ 152

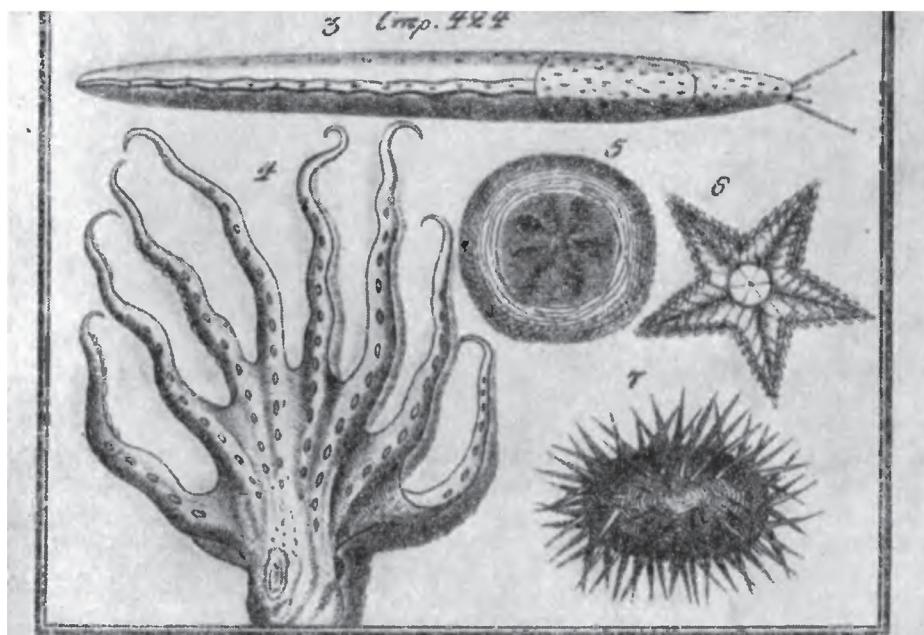
Раковины сии, или внешние животных черепки, различествуют на разных червях числом, видом, величиною, цветом и красотою. Вообще же разделяются на три сорта; одни о многих створках, другие о двух, только третыи об одной, различнообразованной.

§ 153

Внутреннюю пустоту раковины наполняет слизкий червь, её житель, своим телом точно так, какова она есть, завитая вверх или плоская; ровная, горбатая и проч. С нею везде он ползает, питается, растет и увеличивается».

К учебнику прилагался комплект гравированных таблиц с изображениями животных. Печатались и распространялись они отдельно, даже поштучно, причем по сведениям Комиссии народных училищ по состоянию на 1798 г. наибольшим спросом пользовались таблицы «с изображением крупных млекопитающих и птиц, меньшие расходились таблицы с изображениями рыб и насекомых и совсем мало – низших беспозвоночных» [Райков, 1958, с. 266]. По моему мнению, этот рыночный показатель хорошо характеризует отмеченное выше положение малакологии в России XVIII в. – на периферии интересов как научного сообщества, так и образованной публики. Иллюстрации моллюсков и их раковин на таблицах к учебнику Зуева выполнены довольно качественно для той эпохи и дают в целом представление о внешнем облике изображаемых животных (рис. 5).

На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий российская малакология обогатилась рядом важных публикаций, ставших не только итогом первых восьми десятилетий её существования, но и своеобразной заявкой на будущее. Этот рубеж имел и более глобальное значение. В 1802 г. был введен термин «биология» (независимо Ламарком и Тревиранусом) для обозначения особой науки, изучающей исключительно «органические» царства природы, т.е. животных и растений

38. Скорпион. 39. Мокрица. 40. Сороконожка. 41. Косточка.
1. Волчий лоб. 2. Птичка. 3. Слизенка. 4. Каракатица. 5. Морской котел. 6. Морская звезда. 7. Морской юнк.

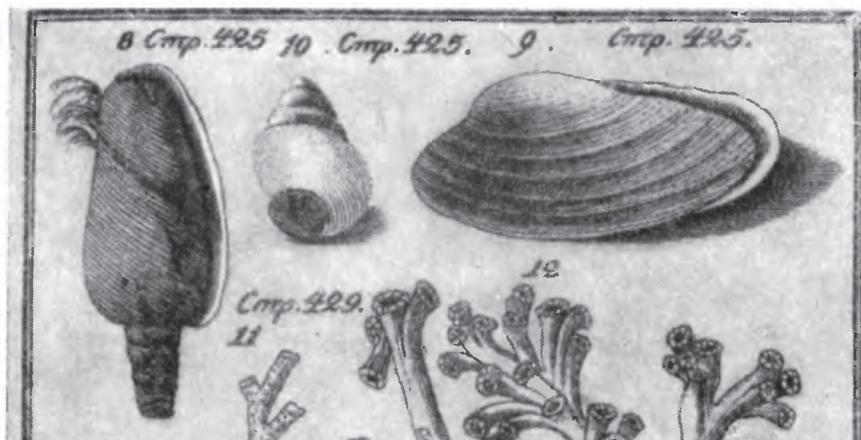

Рис. 5. Изображения раковин и безраковинных моллюсков из атласа В.Ф. Зуева. По Райкову [1958].

Fig. 5. Images of shells and shell-less mollusks from the atlas of V.F. Zuev. After Raikov [1958].

[Stafleu, 1971]. Напомню, что у Линнея в «Систему природы» входило также царство минералов (Lapides), так что его классификацию [Linnaeus, 1758] можно считать предбиологической. Для науки о моллюсках этот период важен как момент концептуальной трансформации, перехода от конхологии к малакологии в современном понимании этого термина [Винарский, 2014; Vinarski, 2014].

1800–1801 гг. в истории отечественной зоологии отмечены выходом в свет двух томов фундаментальной монографии академика Иоганна Готлиба Георги (1729–1802; рис. 6) «Физико-географическое и естественноисторическое описание

Рис. 6. Отечественные исследователи моллюсков XIX в. Верхний ряд слева направо: И.-Г. Георги, Г.В. Фишер фон Вальдхайм, Э. фон Эйхвальд. Нижний ряд слева направо: И.А. Криницкий [из: Терентьев, 1957], Л. фон Шренк, С.М. Герценштейн [из: Слепкова, 2014]. Все изображения, кроме особо отмеченных, взяты из открытых интернет-источников.

Fig. 6. National researchers of mollusks in the 19th century. Top row from left to right: I.-G. Georgi, G.V. Fischer von Waldheim, E. von Eichwald. Bottom row, left to right: I.A. Krinitsky (after Terentyev [1957]), L. von Schrenck, S.M. Gertsenstein (after Slepкова [2014]). All images, except those noted, are taken from open Internet sources.

Российской империи», в которых впервые был дан перечень всех известных в то время для отечественной фауны видов животных. Всего в списке Георги было 2849 видов, расположенных, в соответствии с системой Линнея, от млекопитающих до зоофитов. Следуя Линнею, автор распределил известные ему виды моллюсков по двум отрядам класса Червей (Vermes): *Testacea* (раковинные) и *Mollusca* (мягкотельные). Соответственно такому пониманию отряд мягкотелых включал у Линнея и Георги ряд представителей кишечнополостных, оболочников, иглокожих и других беспозвоночных, лишенных твердых покровов. С другой стороны, в состав отряда *Testacea* помещались усоногие раки, раковинные полихеты (серпулиды) и даже крупные фораминиферы. Если отбросить все эти таксоны, то моллюсков в современном понимании этого таксона в списке Георги [Georgi, 1801] было около 80 видов, они представляли четыре класса (брюхоногие, двустворчатые, головоногие, хитоны) и все среды жизни – морскую, пресноводную и наземную (см. таблицу). Публикация Георги в таксономическом отношении соответствовала уровню зоологических монографий, издававшихся в то время в Западной Европе, и дала ученыму сообществу первое общее представление о российской фауне, хотя уже десятилетием позже данные этого автора были значительно дополнены в «*Zoographia Rosso-Asiatica*» П.-С. Палласа. Хотя Георги трудно назвать малакологом в полном смысле этого слова, он был первым автором, давшим сведения о моллюсках Прибайкалья [Georgi, 1774, р. 193] – факт, не отмеченный в моей работе об истории изучения сибирской малакофауны [Винарский, 2010].

Биологическое разнообразие моллюсков Российской империи
по данным Георги [Georgi, 1801]

Biological diversity of mollusks of the Russian Empire according to Georgi [Georgi, 1801]

Таксономическое положение по Георги	Положение в современной системе
	Класс <i>Vermes</i> (черви)
	Отряд <i>Mollusca</i> (мягкотельные)
<i>Aplysia depilans</i> Gmelin, 1791	<i>Aplysia depilans</i> Gmelin, 1791 [Gastropoda: Aplysiida]
<i>Clio borealis</i> Pallas, 1774	<i>Clione limacina</i> (Phipps, 1774) [Gastropoda: Pteropoda]
<i>Doris tetraquetra</i> (Pallas, 1788)	<i>Tritonia tetraquetra</i> (Pallas, 1788) [Gastropoda: Nudibranchia]
<i>Limax agrestis</i> L., 1758	<i>Deroceras agreste</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Limax ater</i> L., 1758	<i>Arion ater</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Limax cinereus</i> O.F. Müller, 1774	<i>Limax maximus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Limax flavus</i> L., 1758	<i>Limacus flavus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Sepia octopus</i> Gmelin, 1791	<i>Octopus vulgaris</i> Cuvier, 1797 [Cephalopoda: Sepiida]
<i>Sepia tunicata</i> Molina, 1782	<i>Dosidicus gigas</i> (A.d'Orbigny, 1835) [Cephalopoda: Oegopsida]
	Отряд <i>Testacea</i> (раковинные)
<i>Arca rostrata</i> Bruguière, 1789	<i>Nuculana pernula</i> (O.F. Müller, 1779) [Bivalvia: Arcida]
<i>Buccinum glaciale</i> L., 1761	<i>Buccinum glaciale</i> L., 1761 [Gastropoda: Neogastropoda]
<i>Buccinum lapillus</i> L., 1758	<i>Nucella lapillus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Neogastropoda]

Таблица (продолжение)

Таксономическое положение по Георги	Положение в современной системе
<i>Buccinum undatum</i> L., 1758	<i>Buccinum undatum</i> L., 1758 [Gastropoda: Neogastropoda]
<i>Cardium edule</i> L., 1758	<i>Cerastoderma edule</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Cardium laevigatum</i> L., 1758	<i>Fulvia laevigata</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Cardium rusticum</i> L., 1758	<i>Acanthocardia tuberculata</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Cardium serratum</i> L., 1758	<i>Laevicardium serratum</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Chama cor</i> L., 1767	<i>Glossus humanus</i> (L., 1758) [Bivalvia: Venerida]
<i>Chama thaca</i> Molina, 1782	<i>Leukoma thaca</i> (Molina, 1782) [Bivalvia: Venerida]
<i>Chiton amiculatus</i> Pallas, 1788	<i>Amicula amiculata</i> (Pallas, 1788) [Polyplacophora: Chitonida]
<i>Helix aculeata</i> O.F. Müller, 1774	<i>Acanthinula aculeata</i> (O.F. Müller, 1774) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix albella</i> L., 1758	<i>Theba pisana</i> (O.F. Müller, 1774) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix arbustorum</i> L., 1758	<i>Arianta arbustorum</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix auricularia</i> L., 1758	<i>Radix auricularia</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix balthica</i> L., 1758	<i>Ampullaceana balthica</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix complanata</i> L., 1758	<i>Hippeutis complanatus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix coriacea</i> Pallas, 1778	<i>Velutina coriacea</i> (Pallas, 1778) [Gastropoda: Littorinimorpha]
<i>Helix cornea</i> L., 1758	<i>Planorbarius corneus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix hispida</i> L., 1758	<i>Trochulus hispidus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix fragilis</i> L., 1758	Возможно, какой-то представитель Lymnaeidae [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix limosa</i> L., 1758	Возможно, какой-то представитель Lymnaeidae [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix lucorum</i> L., 1758	<i>Helix lucorum</i> L., 1758 [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix nemoralis</i> L., 1758	<i>Cepaea nemoralis</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix planorbis</i> L., 1758	<i>Planorbis planorbis</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix pomatia</i> L., 1758	<i>Helix pomatia</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix putris</i> L., 1758	<i>Succinea putris</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Helix spirorbis</i> L., 1758	<i>Anisus spirorbis</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix stagnalis</i> L., 1758	<i>Lymnaea stagnalis</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Helix tentaculata</i> L., 1758	<i>Bithynia tentaculata</i> (L., 1758) [Gastropoda: Littorinimorpha]
<i>Helix vivipara</i> L., 1758	<i>Viviparus viviparus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Architaenioglossa]
<i>Helix vortex</i> L., 1758	<i>Anisus vortex</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Murex antiquus</i> L., 1758	<i>Neptunea antiqua</i> (L., 1758) [Gastropoda: Neogastropoda]
<i>Murex canaliculatus</i> L., 1758	<i>Busycotypus canaliculatus</i> (L., 1758) [Gastropoda: Neogastropoda]
<i>Mya arenaria</i> L., 1758	<i>Mya arenaria</i> L., 1758 [Bivalvia: Myida]
<i>Mya edentula</i> Pallas, 1771	Nomen dubium

Таблица (окончание)

Таксономическое положение по Георги	Положение в современной системе
<i>Mya margaritifera</i> L., 1758	<i>Margaritifera margaritifera</i> (L., 1758) [Bivalvia: Unionida]
<i>Mya pictorum</i> L., 1758	<i>Unio pictorum</i> (L., 1758) [Bivalvia: Unionida]
<i>Mya truncata</i> L., 1758	<i>Mya truncata</i> L., 1758 [Bivalvia: Myida]
<i>Mytilus anatinus</i> L., 1758	<i>Anodonta anatina</i> (L., 1758) [Bivalvia: Unionida]
<i>Mytilus edulis</i> L., 1758	<i>Mytilus edulis</i> L., 1758 [Bivalvia: Mytilida]
<i>Mytilus marginiferus</i> L., 1758	<i>Pinctada margaritifera</i> (L., 1758) [Bivalvia: Ostreida]
<i>Mytilus fluviatilis</i> Pallas, 1771	<i>Dreissena polymorpha</i> (Pallas, 1771) [Bivalvia: Myida]
<i>Mytilus polymorphus</i> Pallas, 1771	
<i>Nautilus balthicus</i> Schröter, 1783	<i>Hyalinea balthica</i> (Schröter, 1783) [Foraminifera]
<i>Nerita lacustris</i> L., 1758	Неизвестно.
	Возможно – представитель семейства Viviparidae
<i>Nerita fluviatilis</i> L., 1758	<i>Theodoxus fluviatilis</i> (L., 1758) [Gastropoda: Cycloneritida]
<i>Nerita littoralis</i> L., 1758	<i>Littorina obtusata</i> (L., 1758) [Gastropoda: Littorinimorpha]
<i>Nerita pupa</i> Pallas, 1771 (non L., 1767)	Возможно, <i>Theodoxus pallasi</i> Lindholm, 1924 [Gastropoda: Cycloneritida]
<i>Ostrea edulis</i> L., 1758	<i>Ostrea edulis</i> L., 1758 [Bivalvia: Ostreida]
<i>Ostrea glabra</i> L., 1758	<i>Flexopecten glaber</i> (L., 1758) [Bivalvia: Pectinida]
<i>Patella fluviatilis</i> (O.F. Müller, 1774)	<i>Ancylus fluviatilis</i> O.F. Müller, 1774 [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Patella lacustris</i> L., 1758	<i>Acroloxus lacustris</i> (L., 1758) [Gastropoda: Hygrophila]
<i>Patella vulgata</i> L., 1758	<i>Patella vulgata</i> L., 1758 [Gastropoda: Patellogastropoda]
<i>Solen siliqua</i> L., 1758	<i>Ensis siliqua</i> (L., 1758) [Bivalvia: Adapedonta]
<i>Tellina atra</i> Pallas, 1776	<i>Astarte</i> sp. [Bivalvia: Carditida]*
<i>Tellina balthica</i> L., 1758	<i>Macoma balthica</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Tellina cornea</i> L., 1758	<i>Sphaerium corneum</i> (L., 1758) [Bivalvia: Sphaeriida]
<i>Tellina fragilis</i> L., 1758	<i>Gastrana fragilis</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Tellina iberica</i> Gmelin, 1791	<i>Nucula nucleus</i> (L., 1758) [Bivalvia: Nuculida]
<i>Tellina incarnata</i> L., 1758	<i>Bosemprella incarnata</i> (L., 1758) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Tellina lacustris</i> O.F. Müller, 1774	<i>Musculium lacustre</i> (O.F. Müller, 1774) [Bivalvia: Sphaeriida]
<i>Tellina vinacea</i> Gmelin, 1791	<i>Donax variegatus</i> (Gmelin, 1791) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Tellina vitrea</i> Gmelin, 1791	<i>Fabulina fabula</i> (Gmelin, 1791) [Bivalvia: Cardiida]
<i>Teredo navalis</i> L., 1758	<i>Teredo navalis</i> L., 1758 [Bivalvia: Myida]
<i>Turbo littoreus</i> L., 1758	<i>Littorina littorea</i> (L., 1758) [Gastropoda: Littorinimorpha]
<i>Turbo muscorum</i> L., 1758	<i>Pupilla muscorum</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Turbo perversus</i> L., 1758	<i>Balea perversa</i> (L., 1758) [Gastropoda: Stylommatophora]
<i>Venus gallina</i> L., 1758	<i>Chamelea gallina</i> (L., 1758) [Bivalvia: Venerida]
<i>Venus islandica</i> L., 1767	<i>Arctica islandica</i> (L., 1767) [Bivalvia: Venerida]

* См.: Middendorff [1848, S. 434].

* See Middendorff [1848, S. 434].

В 1800 г. российская зоологическая библиография пополнилась сочинением совсем другого рода – каталогом коллекции Кунсткамеры, составленном Осипом Беляевым (1763–1807). Беляев служил «унтербиблиотекарем» АН и помимо того в течение 17 лет был хранителем Кунсткамеры, имея «смотрение» над хранящимися в ней «естественными и искусственными» экспонатами [Новиков, 1957]. Несмотря на детальное знакомство с коллекцией, Беляев не был профессиональным натуралистом. Его каталог рассчитан на широкую читательскую аудиторию, это не научная монография, а скорее перечисление музейных диковин, в котором описываются не только сами объекты, но и связанные с ними предания и анекдоты. Автор перечисляет и подробно описывает «многоразличные раковины, в Кунсткамере сохраняющиеся и не меньшее внимание любителей Природы заслуживающие» [Беляев, 1800, с. 211]. Большая часть перечисленных раковин относилась к морским и экзотическим формам. При этом научная номенклатура не выдержанна, и наряду с латинскими названиями Беляев широко использует русские, чаще всего являющиеся кальками с французских. По описаниям не во всех случаях можно определить, с каким видом имел дело автор каталога. Приведу в качестве образца описание раковины, предположительно принадлежавшей виду *Conus ammiralis* L., 1758: «Пресловутой Вице-Адмирал (*Vice-Amiral*), у коего полосы или перевязи, испещренные по желтому грунту белыми пятнами, устроены наипрелестнейшим образом, и кои уподобляются вымпелам корабельным» [Беляев, 1800, с. 215]. Помимо собственно описаний раковин, автор приводит подробнейшую справку о происхождении и добыче жемчуга, а также обсуждает вопрос о нахождении ископаемых морских раковин высоко в горах (как известно, эта проблема волновала натуралистов ещё с античных времен). С использованием сведений из древнегреческой и древнеримской литературы дается рассказ об использовании раковин в античном мире, а также этнографический очерк о применении раковин различными современными народами. Данные о биологии моллюсков, приводимые Беляевым, порой анекдотичны. Так, в описании морского камнеточца (*Pholas* L., 1758) он пишет: «Сказывают, что камнеточец, возросши до совершенной величины, превращается в гусеницу, которая будто бывает весьма вкусна, и служит для приманки рыбы, как у нас обыкновенные дождевые черви» [Беляев, 1800, с. 227].

Таким образом, по своему содержанию и манере изложения каталог Беляева довольно архаичен и не находится на высоте конхологии своего времени. Интерес к анекдотам, античному быту и жемчугу выказывает в Беляеве тип ученого антиквария, прилежно собирающего все факты, относящиеся к описываемым животным, а не только их биологические и экологические свойства. Он хорошо знал интересы своих читателей – образованной публики начала XIX в. Его сочинение можно сравнить с сочинениями западноевропейских натуралистов XVI – начала XVII столетий, в которых, по словам М. Фуко, «могно найти невообразимую смесь точных описаний, заимствованных цитат, небылиц, взятых без всякой критики, и замечаний, касающихся в разной степени анатомии, геральдики, зон

обитания, мифологических характеристик какого-нибудь животного и применений, которые можно им найти в медицине или магии» [Фуко, 1994, с. 75].

В первое десятилетие XIX в. два важных сочинения были изданы в Москве. Первое принадлежит Фишеру фон Вальдхайму (1771–1853) (см. рис. 6) – ученому немецкого происхождения, долгое время состоявшему в Московском университете профессором зоологии и много сделавшему для развития университетского зоологического музея. В своем трехтомном труде, посвященном описанию коллекции П.Г. Демидова (для этой цели Фишер, собственно, и был приглашен в Россию), он установил 103 новых вида моллюсков, почти исключительно морских [Fischer von Waldheim, 1807]. Большая часть из них сейчас рассматривается как младшие синонимы других, описанных до Фишера, таксонов [Иванов, Кантор, 1991]. Всего же в его труде, написанном на французском языке, содержалось описание около 2500 экземпляров раковин, принадлежавших 830 видам [Ivanov et al., 1993]. Диагнозы видов, данные в работе, отличаются краткостью, в книге отсутствуют иллюстрации раковин и часто нет сведений о типовых локалитетах. Это создает немало проблем при установлении таксономической идентичности описанных Фишером видов [Ivanov et al., 1993; Herbert, 1995].

«Отцом» региональной фаунистики в нашей стране следует считать, видимо, Ивана Двигубского, московского натуралиста, биография которого была недавно опубликована [Майоров, Леонов, 2024]. Воспитанник Харьковского коллегиума, в 1793 г. он перебрался в Москву, где поступил на медицинский факультет местного университета. Двигубский живо интересовался фауной и флорой Подмосковья, сосредоточившись на инвентаризации её видового состава. В 1796–1803 гг. он заведовал в университете кабинетом естественной истории и, «[и]мея много времени, он собрал все, что мог, в окрестностях Москвы, в губернии и по всем трем царствам увеличил состав естественного кабинета» [цит. по: Майоров, Леонов, 2024, с. 16]. Его магистерская диссертация (1798 г.) была посвящена подмосковным амфибиям, а докторская, защищенная 14 июня 1802 г., представляла собой перечень всех известных автору видов животных Подмосковья (общим числом 971 вид), расположенных по системе Линнея [Dwigubsky, 1802]. В составе класса *Vermes* Двигубский перечислил 33 вида, из которых 14 относились к наземным и пресноводным моллюскам (рода *Bulla* L., 1758, *Helix* L., 1758, *Limax* L., 1758, *Mya* L., 1758, *Tellina* L., 1758 и др.). Интересно, что автор предложил русские названия для описываемых им родов моллюсков, чем положил начало созданию номенклатуры малакологических названий на русском языке. Во многих случаях использованные им названия были кальками с латинских, например «пузырь» (*Bulla*). В целом, словотворчество Двигубского почти не нашло последователей. Едва ли кто-то из нынешних малакологов легко догадается, какие таксоны скрывались за именами «розинька», «песчанка» и «земная улитка» (*Mya*, *Tellina* и *Helix*, соответственно). Особенно неудачным было последнее родовое название, так как в группу «земных» (т.е. наземных) улиток автор включил и пресноводные виды (например, *Helix stagnalis* L., 1758).

Наконец, начало XIX столетия ознаменовалось поступлением в музей Петербургской АН коллекции раковин известного конхолога И.И. Хемница (1730–1800). Её приобрел на аукционе в Копенгагене академик Севастьянов. До наших дней дошло около 100 экземпляров этой коллекции [Martynov, 2002].

Однако после 1807 г. в истории российской малакологии наступил период явной стагнации. Изучение моллюсков не прекратилось совсем, но велось довольно спорадически, без явной системы. Обмен раковинами с европейскими музеями привел к тому, что первенство в описании новых видов российской малакофауны на время перешло к зарубежным ученым. Так, Ж.-Б. Ламарк описал новый вид беззубки, *Anodontula sulcata* Lamarck, 1819, из Ладожского озера (в настоящее время признан младшим синонимом *Anodontula cygnea* (L., 1758)). Новые виды морских моллюсков Камчатки и Берингова пролива были описаны английскими конхологами [Broderip, Sowerby, 1829]. Малакофаунистический материал из России использовали Бек [Beck, 1838] и Россмесслер ([Rossmaessler, 1836, 1837], получавшие сборы от своих русских корреспондентов, возможно от Фишера фон Вальдхайма и Ивана Криницкого (о котором будет сказано ниже). Подробный перечень работ по малакофауне России, опубликованных иностранными специалистами, опубликовал Миддендорф [Middendorff, 1848].

Первая четверть XIX в. для России была эпохой крупных морских экспедиций и географических открытий. Как было заведено и в других морских державах (Англия, Франция), на русских экспедиционных судах были натуралисты, собиравшие коллекции и проводившие естественнонаучные наблюдения. Как пример, можно привести кругосветное путешествие на судне «*Предприятие*» под командованием О.Э. Коцебу (1823–1825). В нем принял участие в качестве натуралиста сотрудник Дерптского университета И.Ф. Эшшольц (1793–1831), интересовавшийся преимущественно беспозвоночными животными [Новиков, 1962]. По возвращении он стал обрабатывать собранные коллекции, но вскоре умер, и его малакологические материалы были переданы натуралисту М.Г. Ратке (1793–1860), завершившему работу Эшшольца. Эшшольц и Ратке описали несколько новых видов морских моллюсков из родов *Murex*, *Actaea* Eschscholtz, 1833, *Fissurella* Bruguière, 1789 и других [Rathke, 1833]. Отмечу и экспедиции по изучению Русской Америки, один из отчетов которых содержал этнографические наблюдения над использованием пресноводных моллюсков туземцами Алеутских островов [Давыдов, 1812, с. 7–8].

Отечественная малакология в 1820–1840-х гг. характеризовалась явным распределением исследовательских сил. Познанием малакофауны империи занимались одиночные исследователи, разбросанные по разным ее регионам. Это был явный сдвиг по сравнению с ситуацией второй половины XVIII в., когда обследовались преимущественно отдаленные окраины страны, силами не местных натуралистов (которых тогда не существовало), а специальными экспедициями, направлявшимися из столицы. В Петербурге же концентрировались и собранные ими коллекции.

Наиболее крупная концентрация малакологов в первой половине XIX в. была в прибалтийских губерниях. Так, Э.И. Эйхвальд (1795–1876) (см. рис. 6), работая как региональный фаунист, описал некоторые виды наземных и пресноводных моллюсков Литвы, в первую очередь из окрестностей Вильно – современного Вильнюса [Eichwald, 1829]. Континентальные моллюски упоминаются в его более поздней работе [Eichwald, 1830]. Позднее этот исследователь получил большую известность как один из первооткрывателей уникальной фауны моллюсков Каспийского моря [Богуцкая и др., 2013; Vinarski et al., 2024]. Другой прибалтийский натуралист, А. фон Шренк (1816–1876), работал над инвентаризацией континентальной малакофауны Лифляндии [A. von Schrenck, 1848] и оказал большое влияние на своего земляка А.Ф. Миддендорфа, поддерживая его интерес к изучению моллюсков [Vinarski, 2021].

В далеком сибирском Барнауле работал Г.В. Геблер (1781–1850) – немецкий врач и натуралист, интересовавшийся, в том числе, и континентальными моллюсками [Vinarski, 2009]. Можно упомянуть и труды Ю.И. Симашко (Siemaschko, 1847) – жившего в С.-Петербурге натуралиста-любителя и педагога, автора школьных учебников по естествознанию и составителя капитальной сводки «Русская фауна», в числе авторов которой был сам академик Бэр.

Самой значительной фигурой из числа этих одиночек был Иван Андреевич Криницкий (1797–1838) (см. рис. 6), наиболее известный как многолетний преподаватель минералогии и зоологии в Харьковском университете. Уроженец Киевской губернии, он происходил из польских дворян [Багалей, 1904; Waga, 1842] (однако Терентьев [1957, с. 98] называет его русским по происхождению) и обучался в Виленском университете на физико-математическом факультете. В студенческие годы он вступил в общество филаретов (любителей добродетели), в которое входили как студенты, так и преподаватели университета, а также другие представители местной интеллигенции (самым известным членом общества был великий польский поэт Адам Мицкевич). Общество, участники которого занимались не только просветительской деятельностью, но и имели определенную политическую программу, привлекло внимание властей и в 1824 г. было разгромлено. Несколько его членов были приговорены к тюремному заключению, а Криницкий был выслан из Вильно, но с правом поступить на службу в центральных областях России [Багалей, 1904]. 1 марта 1825 г. он был определен в Харьковский университет для преподавания минералогии (рис. 2). 3 декабря 1826 г. Криницкий сделался адъюнктом, а 2 марта 1829 г. – экстраординарным профессором минералогии. С 1826 г. он стал преподавать также и зоологию и параллельно заведовать зоологическим кабинетом университета. Эти обязанности он выполнял вплоть до своей смерти. В 1828 г. он был избран членом Московского общества испытателей природы [Kaleniczenko, 1839]. Помимо работ по малакологии, Криницкий внес вклад в энтомологию [Waga, 1842], арахнологию [Kaleniczenko, 1839] и герпетологию [Терентьев, 1957]. «Это был знающий и трудолюбивый преподаватель, занимавшийся самостоятельными научными изысканиями, которые публиковал в разных

повоременных изданиях, русских и иностранных, доставивших ему известность среди ученых. <...> Он читал также и зоологию по Кювье, Яроцкому и своим запискам, при чем специально излагал систему Кювье. <...> Раз был командирован на юг России для пополнения коллекций университета» [Тихомандрицкий, 1905, с. 71]. Впрочем, по характеристике, данной другим автором, «лекции его до того были сухи и вялы по своему содержанию, а чтение их так монотонно и тихо, что все это едва не усыпляло студентов» [Багалей, 1904, с. 619].

Деятельность Криницкого как малаколога была многогранной. Во-первых, он активно занялся приведением в порядок и пополнением коллекции зоологического кабинета, которая, в момент его приезда в Харьков, пребывала в упадке. Согласно отчету, составленному Криницким после её осмотра, она находилась в жалком, заброшенном состоянии, однако «самое полное и богатое собрание в нашем кабинете – это слизняков (*mollusca*), но оно состоит только из одних раковин, а самых животных имеется не более 10 экземпляров» [Багалей, 1904, с. 460]. В 1835 г. он совершил путешествие к берегам Черного моря, посетив также Кавказ и Каспийское море [Kaleniczenko, 1839; Waga, 1842].

Криницкий не только сам собирал для материала для пополнения коллекции зоологического кабинета, но и активно обменивался раковинами с российскими и зарубежными натуралистами (по данным Ферюссака [Férussac, 1835], в числе его корреспондентов был сам Жорж Кювье). Часть новых материалов для зоологического кабинета приобреталась путем покупки. «В 1831 году куплено 37 шкур птиц из Бразилии и 24 породы раковин. <...> В 1833 году кабинет обогатился 133 породами европейских раковин, купленных у Гоше. <...> В 1834 и 1835 гг. выписано из Вены от Порейса 48 экз. разных животных и меню приобретено 61 насекомое и 10 моллюсков» [Багалей, 1904, с. 462]. Другим способом пополнения коллекций экзотическими экземплярами была подписка – нечто вроде софинансирования зоологических экспедиций. «В южную Африку отправилась экспедиция натуралистов во главе с ученым Кребсом, и зоологический кабинет взял 3 акции ее, дававшие право получить впоследствии некоторые предметы из числа тех, кои были бы вывезены ею в Европу» [I.c.].

Как малаколог-систематик и фаунист, Криницкий занимался преимущественно малакофауной южной России. Он не был первоходцем в этом направлении. Помимо упомянутых выше работ Палласа, моллюсками этого региона занимался Э. Менетрие, известный более как энтомолог. В своем каталоге этот автор указал 15 видов каспийских и кавказских моллюсков [Ménétriés, 1832].

Криницкий опубликовал ряд статей по систематике наземных моллюсков юга европейской России, в которых были описаны новые таксоны [Krynicki, 1833, 1836]. Его самая значительная малакофаунистическая работа – каталог собранной им коллекции с указаниями регионов обитания включенных в него видов [Krynicki, 1837]. Судя по всему, это был каталог дублетных экземпляров, выставляемых на продажу. Два столбца таблицы, обозначенные как R и C, вероятнее всего содержат цену раковин в рублях и копейках. Насколько удачными были коммерческие

операции Криницкого, умершего на следующий год после публикации этой статьи, неизвестно. Можно предполагать, однако, что большая часть коллекции не была распродана. После смерти она оказалась в распоряжении профессора Харьковского университета И.О. Калениченко (1805–1876), опубликовавшего статью с ревизией видов рода *Helix*, установленных Криницким [Kaleniczenko, 1853]. В 1901 г., когда зоолог А.С. Скориков передал коллекцию Криницкого в Зоологический музей Императорской академии наук, в ней было 4505 раковин *Gastropoda* и 261 отдельных створок *Bivalvia*. Большую часть собрания составляли «наземные и пресноводные моллюски России», часть его состояла «из Черноморских моллюсков и часть из экзотических. В коллекции довольно много оригиналов Крыницкого⁶. К сожалению, многие пробы перепутаны и часть этикеток утрачена» [Отчет..., 1902, с. 29].

Криницкий разработал проект полного малакофаунистического описания Российской империи, позднее развивавшийся Миддендорфом под названием *Malacozoologica Rossica* [Vinarski, 2021]. В специально посвященной ему публикации Криницкий писал: «Под заглавием *Faunae Molluscorum Imperii Rossici Initia*, или Описание Слизняков Российского Государства, я намерен описывать пресноводные, сухопутные и морские животные, к сему отделению относящиеся» [Криницкий, 1832, с. 393–394]⁷. Проект должен был быть реализован в виде иллюстрированного каталога, каждый вид которого описывался бы по единому плану, причем Криницкий хотел давать описание не только раковины, но и анатомического строения моллюсков, приводить данные об изменчивости, экологии и географическом распространении видов. «Подробное описание каждого животного и раковины составляю я на русском языке; но дабы дать сему сочинению обширнейшее употребление, даже и вне России, каждая порода при начале будет иметь изложенные признаки на латинском языке с такою подробностию, какая покажется необходима для представления решительно ее отличия от других пород» [Криницкий, 1832, с. 397]. Автор предполагал издавать свой труд отдельными выпусками, по 20 видов в каждом, и сообщал, что материал для первого выпуска у него уже собран. Однако единственное, что Криницкому удалось опубликовать – это описание одного вида (речная живородка, *Viviparus viviparus* (L., 1758)), вышедшее как приложение к его статье [Криницкий, 1832, с. 407–415, табл. III].

А.Ф. Миддендорф высоко оценил деятельность Криницкого как малаколога. По его словам, он «не только расширил [область распространения] фауны среднеевропейских наземных и пресноводных мягкотелых до восточной части южной России, а фауны Средиземноморья до Черного моря, но именно он показал нам своеобразие pontийско-кавказской малакофауны, описав несколько новых

⁶ В зоологической литературе имеется разнотечение в написании фамилии этого автора (Криницкий, Крыницкий).

⁷ Статья Криницкого стала одной из первых профессиональных малакологических работ, написанных на русском языке. В изданной им позднее таксономической статье [Krynicki, 1833] описания новых видов также даны по-русски, с коротким латинским диагнозом.

относящихся к ней видов из числа наземных и пресноводных моллюсков. Если бы безвременная кончина не помешала ему завершить проект Малакозоологии России, над осуществлением которого он трудился уже несколько лет, то эта часть зоологии, по крайней мере понтийско-кавказская и южно-русская фауны, предстала бы в совершенно ином свете. Весьма удовлетворительно, что заслуги Криницкого были полностью признаны Ферюссаком в его некрологе [Криницкому] как члену Кювьеровского общества⁸ [Middendorff, 1848, S. 461].

Деятельность Криницкого положила начало тому, что можно назвать харьковской малакологической школой⁹. О работе И. Калениченко упомянуто выше. В конце 1865 г. Павел Тихонович Степанов, выпускник Харьковского университета, получил степень магистра зоологии за диссертацию «История развития пластиначатожаберных мягкотелых», а три года спустя защитил докторскую диссертацию «История развития *Calyptraea*». В 1869 г. он был утвержден экстраординарным, а в 1870 г. – ординарным профессором. Но, видимо, после получения искомых степеней Степанов не стал продолжать малакологические исследования, сосредоточившись на преподавании¹⁰. В последней трети XIX в. И.В. Рябинин публикует статьи, посвященные фауне и изменчивости перловиц Харьковской губернии [Рябинин, 1886, 1889]. В Харькове был создан и первый отечественный определитель моллюсков [Шабельский, 1881]. Это издание до сих пор почти неизвестно среди малакологов, поэтому имеет смысл остановиться на нем подробнее. Определитель Шабельского, с одной стороны, был очень широк по замыслу и включал как морские, так и пресноводные формы, как брюхоногих и двустворчатых моллюсков. С другой стороны, автору пришлось ограничиться составлением определительных ключей только до уровня рода. В книге дано некоторое количество таблиц с изображениями раковин, словарь конхологических терминов. О личности автора, Аркадия Шабельского, практически ничего неизвестно. Возможно, это был какой-то конхолог-любитель. В предисловии автор пишет, что сам коллекционирует раковины и решил составить определитель для коллекционеров, профессиональных зоологов и даже тех, кто мало знаком с «конхиологическими терминами» [Шабельский, 1881, с. 2]. Возможно, Шабельский был связан с Харьковским обществом испытателей природы при университете – его книга напечатана «по определению общего собрания» этого общества [л.с.].

⁸Непонятно, почему Миддендорф называет в качестве автора некролога Ферюссака (представителя известной династии французских конхологов). В указателе содержания журнала, на который он ссылается, автором некролога указан варшавский энтомолог Антоний Вага. Ферюссак опубликовал реферат работы Криницкого 1833 г., в котором представил комментарий по вновь описанным им видам, сведя многие из них в синонимы [Ferussac, 1835].

⁹Дополнительная информация о харьковских малакологах конца XIX – начала XX вв. содержится в статье С. Писарева [Pisarev, 2022].

¹⁰И.И. Мечников, учившийся в Харьковском университете в начале 1860-х гг., в своих мемуарах рисует не очень радужную картину преподавания в нем естественных наук: университет «оставался крайне отсталым – скорее чиновники, чем ученые [профессора] довольствовались старинными методами преподавания. Лекции читались по отсталым учебникам; практических занятий почти вовсе не было» (цит. по: Ковалевский [1955, с. 277]).

«Музейный» период в истории отечественной малакологии

В сороковых годах XIX в. завершается институционализация малакологии в Российской империи на базе Зоологического музея Императорской АН (ЗМИАН). Это учреждение (ныне – Зоологический институт РАН) и в наши дни сохраняет роль ведущей научной организации по изучению рецентных моллюсков, располагая крупнейшей в России и одной из крупнейших в мире малакологических коллекций (рис. 7). Однако в первые годы существования ЗМИАН в его штате не было специалистов, интересовавшихся моллюсками. Ф. Брандт (1802–1879), возглавлявший Музей более сорока лет (1832–1878 гг.), обладал энциклопедическими интересами в области зоологии, но моллюски были одной из тех немногих групп, которыми он специально не занимался [Штраух, 1889].

Самый крупный русский зоолог той эпохи, академик К.Э. фон Бэр (1792–1876), занимался изучением моллюсков, но преимущественно в прикладном аспекте, попутно с проведением других исследований. Так, одним из результатов его экспедиции на Каспий, посвященной преимущественно решению рыбохозяйственных задач, стал очерк «О воде Каспийского моря и её отношении к фауне моллюсков», изданный на немецком языке [von Baer, 1855]. Интересовался Бэр и вопросами марикультуры, в частности, возможностью разведения устриц в русских морях [Бэр, 1862].

Решающую роль в становлении ЗМИАН как ведущего центра малакологических исследований в России сыграл А.Ф. Миддендорф – крупнейший, по моему

Рис. 7. Зоологический музей АН в середине 1920-х гг. По: Слепкова [2019].

Fig. 7. Zoological Museum of the Academy of Sciences in the mid-1920s. After Slepkova [2019].

убеждению, отечественный малаколог XIX в. Его деятельность в области малакологии подробно рассмотрена мной в особой работе [Vinarski, 2021], и здесь я ограничусь только краткой ее характеристикой. Как многие натуралисты-путешественники той эпохи, Миддендорф обладал компетенциями в самых разных областях естествознания, но в качестве зоолога занимался детально лишь небольшим числом групп. Наибольшее внимание он уделял моллюскам, став первым в России подлинным малакологом (то есть специалистом, изучавшим не только раковины моллюсков, но и их мягкое тело). Миддендорф привел в порядок малакологические коллекции ЗМИАН [Штраух, 1889]¹¹, обработал материал по морским, пресноводным и наземным моллюскам, собранный им во время сибирского путешествия, разработал и в значительной степени реализовал план полного описания малакофауны всей Российской империи. Многие аспекты его работ удивительно современны. В частности, он уделял большое внимание внутривидовой изменчивости моллюсков, видя в её изучении «ключ» к решению спорных вопросов систематики. Миддендорфу принадлежит первая попытка зоогеографического районирования территории России и омывающих ее морей на основе данных о фауне моллюсков. В своем замечательном труде «Сибирская фауна» [Миддендорф, 1869] он приводит пионерские данные об экологии и географическом распространении *Mollusca* (преимущественно азиатской России). Малакологические работы А.Ф. Миддендорфа не только стояли на уровне лучших западноевропейских образцов того времени, но и превосходили их в некоторых аспектах [Vinarski, 2021]. Наконец, как отмечено выше, этот исследователь стал и первым историографом отечественной малакологии.

Хотя А.Ф. Миддендорф был сравнительно короткое время связан с Академией наук [Сухова, Таммиксаар, 2015], а его собственно малакологические труды охватывают недолгий период между 1845 и 1851 гг.¹², его влияние на организацию и институционализацию малакологии в России было огромным. Данный им импульс способствовал подготовке ряда крупных описательных работ по малакологии, важнейшими из которых были труды Л.И. Шренка [von Schrenck, 1867] и С.М. Герценштейна [1885] (см. рис. 6). Последний писал в предисловии к своей монографии о моллюсках Мурманского берега и Белого моря: «...я желал исследование их вести в направлении, указанном еще Миддендорфом, а именно: выяснить общий морфологический характер видов нашей фауны, определить по возможностям точно границы их географического распространения, для чего тщательно сравнить наши виды с сородичами их из других морей и проч.» [Герценштейн, 1885, с. 636].

¹¹По словам Штрауха [1889, с. 243], только в результате кураторских усилий Миддендорфа коллекция моллюсков ЗМИАН «приобрела научное значение».

¹²1851 г. датируется его обобщающая сводка по моллюскам Сибири, после которой Миддендорф уже не публиковал специальных малакологических работ. Однако, по данным Штрауха [1889], он продолжал заведовать коллекцией моллюсков ЗМИАН вплоть до 1855 г., когда его избрали непременным секретарем АН и он стал полностью поглощен своими новыми обязанностями.

Миддендорфом была создана целая исследовательская программа, которую А.Н. Голиков в свое время охарактеризовал так: «Эти авторы [Миддендорф, Шренк] в своих объемистых трудах, наряду с довольно подробными оригинальными описаниями, приводят данные по географическому распространению видов и делают попытку разобраться в их внутривидовой изменчивости, родственных связях и филогении» [Голиков, 1963, с. 7]. Конечно, масштабы деятельности научных школы Миддендорфа и их исследовательские возможности были ограничены. Число профессиональных малакологов в России во второй половине XIX столетия было очень мало и не соответствовало размерам территории империи¹³. Имелись и объективные ограничения, связанные с уровнем исследовательской техники того времени. Приведу мнение Л.А. Зенкевича [1951, с. 7–8]: Миддендорф, Шренк и другие исследователи моллюсков той эпохи изучали морскую фауну «с берега», то есть ограничивались видами прибрежного мелководья. Активное изучение фауны открытого океана началось по существу только с началом многолетней, получившей большую известность экспедиции на британском судне «Челленджер» (1872–1876).

К сожалению, уже к 1890-ым гг. импульс, заданный трудами А.Ф. Миддендорфа, практически сошел на нет. Л. фон Шренк переключился на этнографические исследования, С.М. Герценштейн скончался в сравнительно молодом возрасте. Учеников они не оставили. ЗМИАН сохранял статус центрального в империи учреждения, в котором аккумулировались коллекции моллюсков, причем их прирост за некоторые годы исчислялся десятками тысяч экземпляров (рис. 8)¹⁴. Однако обрабатывать вновь поступающие материалы было зачастую некому. Штаты Музея были очень невелики. По состоянию на 1 января 1901 г. в нем было только девять научных сотрудников (директор, четыре старших зоолога и четыре младших зоолога). Коллекции моллюсков относились к III отделению беспозвоночных, в котором также хранились коллекции плеченогих и иглокожих [Отчет..., 1902]. Заведовал отделением известный гидробиолог Н.М. Книпович (1862–1939), который занимался почти исключительно морскими моллюсками (вместе с другими группами беспозвоночных). Специалиста по континентальным моллюскам в штате ЗМИАН не было вплоть до 1914 г., когда на позицию сверхштатного старшего зоолога был приглашен В.А. Линдгольм [Винарский, 2019].

Поэтому в ЗМИАН в XIX в. – начале XX в. широко практиковалось предоставление рабочих мест и доступа к коллекциям специалистам, которые не входили в его штат. Именно таким образом обрабатывали собранные в экспедициях материалы Г. Герстфельдт (один из первых исследователей малакофауны Байкала)

¹³Можно сказать, что эта ситуация сохраняется и в наши дни.

¹⁴Однако директор Зоомузея А.А. Штраух [1889, с. 250] считал, что даже в начале 1880-х гг. малакологическая коллекция была очень неполна и нуждалась в большом расширении, прежде чем «сможет послужить достаточным материалом для обработки малакооологической фауны и вообще для научных исследований». Остро стояла проблема нехватки помещений для хранения коллекции моллюсков.

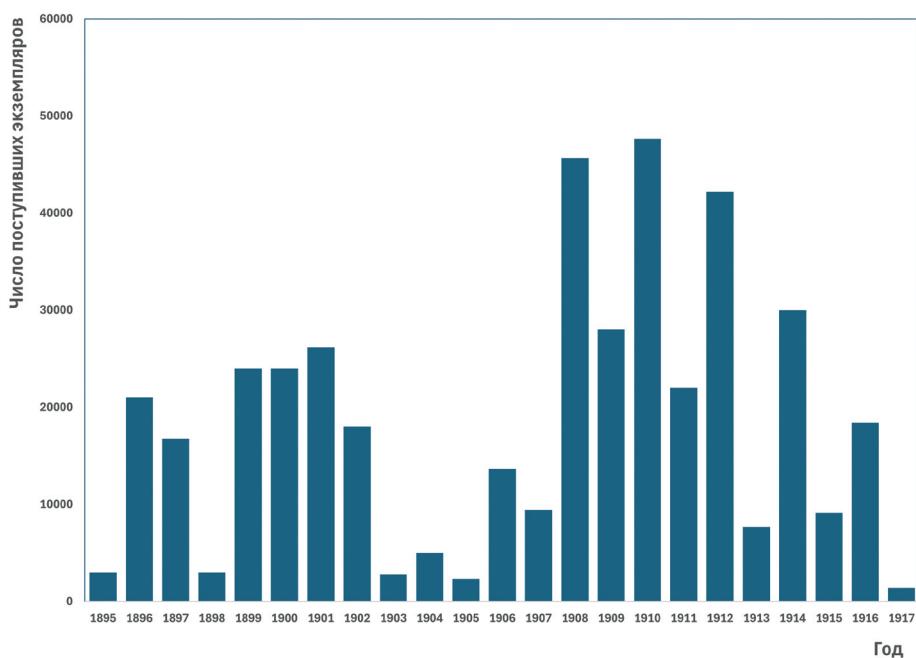

Рис. 8. Прирост малакологической коллекции ЗМИАН в 1895–1917 гг. Составлено на основе отчетов о деятельности Музея, публиковавшихся в составе его ежегодников. В целом, за рассматриваемый период коллекция увеличилась на более чем 420000 экз. моллюсков.

Fig. 8. Growth of the Zoological Museum of the Academy of Sciences' malacological collection in 1895–1917. Compiled on the basis of reports on the Museum's activities, published in its yearbooks. Overall, the collection increased by more than 420.000 mollusc specimens during this period.

и Л. фон Шренк [Штраух, 1889]. Даже сам Миддендорф заведовал «конхиологическим отделением» ЗМИАН, не будучи официально аффилирован с этим учреждением.

Дефицит отечественных специалистов на рубеже XIX–XX вв. объясняет, почему заметный вклад в познание малакофауны России в то время вносили западноевропейские малакологи, которым направлялись для обработки коллекции ЗМИАН и других научных учреждений [Штраух, 1889; Винарский, 2010]. Среди авторов таксонов моллюсков отечественной фауны, описанных во второй половине XIX в., можно найти француза Ж.-П. Бургинья, шведа К.А. Вестерлюнда, германских конхологов Э. фон Мартенса, Ш. Клессина и О. Бёттгера [Мартенс, 1874; Bourguignat, 1861; Martens, 1882; Clessin, 1894; Westerlund, 1897; и др.]. В последней трети XIX столетия существенный вклад в познание моллюсков севера Азиатской России вносили шведские полярные экспедиции, малакологические сборы которых обрабатывал К.А. Вестерлюнд [Westerlund, 1877, 1887].

Помимо штатных и внештатных сотрудников ЗМИАН, изучение моллюсков России в конце XIX в. – начале XX вв. продолжали натуралисты-любители, распределенные по различным провинциям империи (рис. 9). На юге европейской России

Рис. 9. Отечественные малакологи конца XIX – первой трети XX вв. Верхний ряд слева направо – О. фон Розен, О. фон Ретовский. Средний ряд слева направо – К.О. Милашевич, В.А. Линдгольм. Нижний ряд – автограф В.А. Линдгольма (библиотека ЗИН РАН). По: Винарский [2019], кроме портрета Милашевича (взят из открытых интернет-источников).

Fig. 9. Russian malacologists of the late 19th – first third of the 20th centuries. Top row, left to right: O. von Rosen, O. von Retovsky. Middle row, left to right: K.O. Milashevich, V.A. Lindholm. Bottom row: V.A. Lindholm's autograph (ZIN RAS Library) After Vinarsky [2019], except for Milashevich's portrait (taken from open Internet sources).

работали К.О. Милашевич (1842–1915) и О. фон Розен (1853–1925), на Урале и в Поволжье – Л.К. Круликовский (1864–1920), в Санкт-Петербурге – О. фон Ретовский (1845–1925) и В.А. Линдгольм (1874–1935), в Харьковской губернии – П. Белецкий (годы жизни неизвестны) и др. Из них только В. Линдгольму и Л. Круликовскому (в самом конце жизни) удалось устроиться на службу в зоологические музеи и профессионализировать свои любительские занятия¹⁵. Как правило, они не были узкими специалистами. В.А. Линдгольм, помимо моллюсков, изучал рептилий, а Л. Круликовский был также и известным энтомологом¹⁶.

Исследовательские возможности этих провинциальных энтузиастов, работавших в удалении от крупных научных центров, были весьма скромными. В одной из работ Л. Круликовского содержится такое признание: «*Трудно работать в каком-нибудь Богом забытом Малмыже, где нельзя достать ни книг, ни коллекций, кроме собственных, и где натуралист-любитель изображает из себя Робинзона на необитаемом острове!*» [Круликовский, 1891, с. 8]. Серьёзно заниматься систематикой моллюсков в таких обстоятельствах было едва ли невозможно. Почти все указанные авторы были фаунистами, изучавшими моллюсков конкретных регионов, в которых они проживали или экскурсировали. Их научная продукция состояла в основном из аннотированных чек-листов, хотя К.О. Милашевич стал автором монографии о моллюсках Черного моря, выпущенной ЗМИАН в серии «Фауна России и сопредельных стран» [Милашевич, 1916]. Известно, что и О.В. Розен готовил том о наземных моллюсках для этой серии. Рукопись была завершена к началу 1917 г. и тогда же направлена в ЗМИАН, но в связи с революционными событиями затерялась и не была опубликована [Винарский, 2024a].

Несмотря на политические и экономические потрясения, пережитые Россией в послереволюционные годы, довольно долгое время Зоологический музей АН сохранял свои традиционную структуру и направления исследований, в которых доминировали систематика, фаунистика и отчасти зоогеография. Практически до конца 1920-х гг. и сама Академия наук носила «старорежимный» характер, поскольку в ней преобладали ученые дореволюционной формации. «Советизация»

¹⁵Выпускник Московского университета, Милашевич начал свою научную карьеру в качестве сотрудника этого учреждения, но, не достигнув 40-летнего возраста, уехал из Москвы на юг России, где служил в различных средних учебных заведениях. Круликовский также получил университетское образование, но был вынужден отказаться от научной карьеры по личным обстоятельствам. Причисляя их к числу «любителей», я имею в виду лишь то, что они не были аффилированы с каким-либо научным или высшим учебным заведением.

¹⁶Как и многие натуралисты-любители того времени, Круликовский мог заниматься исследованиями только в часы досуга. В одном из писем, адресованном энтомологу А.П. Семенову-Тян-Шанскому, он сообщал: «*В праздники, когда было посвободнее, немного занимался своей коллекцией <...> Теперь опять завален службой по горло и, кажется, надолго. Просто иногда руки отнимаются и приходит настроение – совсем бросить занятия энтомологией, хотя я очень люблю свою работу: заниматься приходится урывками и постоянно чувствуется недостаток – не в коллекциях, но в литературных пособиях...*» [письмо от 20.01.1903 г., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 722. Оп. 2. Д. 550. Л. 17-17об]. Впрочем, это не было характерно только для России. Из крупных западноевропейских конхологов конца XIX в. далеко не все имели оплачиваемую службу в научном заведении или университете. Ш. Клессин был служащим на железной дороге, К. Вестерлюнд был директором гимназии и т.д.

Академии, проведенная новой властью на рубеже 1920–1930-х гг., выразилась в принятии нового академического устава, создании обновленной структуры академических учреждений и внедрении в состав АН большого числа ученых-коммунистов, лояльных советскому строю [Колчинский, Смагина, 2007]. В новой реальности наука стала таким же объектом государственного планирования и контроля, как и промышленность, и сельское хозяйство. Для Зоологического музея это означало глубокую реформу, свершившуюся в 1932 г. и проявившуюся как в новой расстановке исследовательских приоритетов, так и в преобразовании Музея в Зоологический институт АН СССР [Слепкова, 2019, 2022]. Поэтому 1932 г. можно считать концом «музейного» периода в развитии малакологических исследований в нашей стране.

Советский и постсоветский период: из прошлого в будущее

Задача коротко описать состояние отечественной малакологии в советский период (1917–1991) очень сложная, благодаря как обилию фактического материала, так и тому, что на развитии малакологии – как и всей советской науки – сказывались разнородные и часто противоречивые тенденции, для полноценного освещения которых понадобилось бы монографическое исследование. После 1917 г. государство стало единственным заказчиком и «спонсором» научных исследований в стране, что имело как благоприятные, так и негативные последствия для зоологии и зоологов. Пришедшая в октябре 1917 г. к власти партия потребовала от ученых не только политической лояльности и участия в решении стоящих перед страной практических задач. От них требовалась лояльность интеллектуальная, понимавшаяся как добровольное (или добровольно-принудительное) принятие марксистской философии, объявленной «мировоззрением пролетариата» и «всеобщей методологией», то есть наукой всех наук [Деборин, 1930]. Взамен советская власть предложила ученым участие в грандиозной, сциентистской по духу, программе создания нового общества. Науке в этой программе отводился важный, хотя и не решающий, голос. Научные исследования стали объектом государственного планирования и особенного внимания, что выразилось как в резком росте числа научных учреждений и научных работников, так и в щедром финансировании тех направлений (преимущественно прикладных), которые признавались наиболее актуальными. Это подчеркнуто уважительное и внимательное отношение к науке и ее запросам помогло большевикам уже в 1920-е гг. завоевать лояльность ряда крупных ученых из числа «старорежимных» (академики В.И. Вернадский, И.П. Павлов, А.П. Карпинский и др.). Для них, воспитанных в убеждении, что правительство и общество дореволюционной России были равнодушны к нуждам науки и ученых, такой подход представлялся качественным рывком вперед [Колчинский, 1999; Коевников. 2008]. Готовность к сотрудничеству с новой властью проявляли в первую очередь представители естественных наук, нуждавшихся в значительных финансовых средствах для проведения своих исследований [Колчинский, 1999].

В области зоологии и гидробиологии предвоенный период охарактеризовался бурным ростом числа научно-исследовательских учреждений¹⁷, количества занятых в них сотрудников, масштабными экспедициями по изучению морей и континентальных вод СССР. Размах проводимых работ многократно превосходил все достижения дореволюционной России (возможно, в этом отношении с ним может сравниться только эпоха великих «академических экспедиций» XVIII в.). Интенсификация исследований нашла отражение во взрывном росте публикационной активности советских зоологов [Алпатов, 1937; Павловский, 1957; Шишкин, 1999]. Практически в каждой союзной республике были созданы региональные учреждения по изучению биологического разнообразия. В области малакологических исследований возникают периферийные центры, располагавшиеся от Мурманска на северо-западе до Владивостока на юго-востоке страны. Образованный на базе ЗМИАН Зоологический институт АН СССР, получивший быстро привившуюся аббревиатуру ЗИН, продолжал выступать как организация, координирующая работы по изучению рецентной малакофауны, но в целом централизация исследований, характерная для «музейного» периода сменилась явной децентрализацией.

Негативные тенденции, которые испытала на себе советская зоология (и малакология как её часть), сводились не только к контролю над мировоззрением ученых со стороны власти, но и к новой расстановке акцентов в организации научных исследований. Уже в первые годы после революции 1917 г. было выдвинуто категорическое требование к науке быть «полезной», участвовать в социалистическом строительстве, стать частью плановой экономики. Важность фундаментальных исследований никогда не отрицалась, но утилитарная, «обслуживающая» функция науки непременно подчеркивалась. В 1940-е гг. в СССР часто цитировались слова И.В. Сталина, сказанные им в 1938 г., о том, что подлинно передовая (т.е. советская) наука «не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой». Фактически, в предвоенные десятилетия наука в СССР утратила свою автономию в части выбора перспективных тем и направлений собственной работы; эта функция перешла к чиновникам государственного аппарата¹⁸. Углублялась и искусственно

¹⁷Это было частью общей политики по резкому наращиванию количества научных учреждений. К 1927 г. в Советском Союзе их насчитывалось 2454, большинство из которых были созданы после 1917 г. По словам современных историков, «новая политика сместила центр тяжести научного развития на отраслевые, академические, а отчасти и университетские научно-исследовательские институты <...> Получив колоссальные материальные возможности, ученые создавали в своих институтах целые исследовательские империи» [Степнов, Грибовский, 2024, с. 61].

¹⁸В постановлении советского правительства, изданном в апреле 1934 г., смысл существования Академии наук определялся как «научное обслуживание социалистического строительства». Три года спустя советский посол в Великобритании И. Майский разъяснял британским ученым, что в стране Советов наука «не должна считать себя неким полубогом с правом выбирать свое собственное направление без учета нужд и требований народа» (цит. по: Кременцов [2005, с. 295]).

создаваемая изоляция советской науки от зарубежной. Уже во второй половине 1930-х гг. отечественные зоологи стали печататься почти исключительно в советских журналах и на русском языке, хотя ещё десятилетием ранее общепринятой практикой было помещать свои статьи за рубежом, преимущественно на немецком языке [Винарский, 2022].

На малакологии (и на зоологии в целом) это сказалось в том отношении, что приоритет стал отдаваться исследованиям прикладной тематики. Систематика и фаунистика оказались отодвинуты на задний план, что было провозглашено в ходе известной «Фаунистической конференции» 1932 г., проводившейся в Зоологическом институте [Слепкова, 2019]. На ней была утверждено вспомогательное, обслуживающее значение работ по изучению биоразнообразия. Известный идеолог «диалектической биологии» И.И. Презент заявил на конференции, что зоолог-фаунист в СССР «должен стать инженером-изобретателем, инженером-реконструктором животного организма, активно подбирающим нужную для соцстроительства фауну» [Кирьянова, 1932, с. 457]. Это вполне соответствовало утопическому пафосу преобразования природы и общества, построению «нового мира» на социалистических началах, в котором природе предстояло быть полностью подчиненной потребностям человека. Не случайно, директором Зоологического музея в 1930 г. был избран не зоолог-систематик, а гидробиолог – С.А. Зернов [Слепкова, 2019, 2022].

В 1930-е гг. в советской малакологии на первый план выдвинулись работы по практическому использованию моллюсков как биологического ресурса (пищевая, легкая промышленность), как компонента питания рыб, как переносчиков паразитов. Большое внимание уделялось работам по акклиматизации отдельных видов моллюсков для улучшения кормовой базы рыб (например, в Каспийское и Аральское моря). В связи с этой прикладной направленностью значительная доля малакологической информации, содержащейся в публикациях советского времени, получена в ходе гидробиологических, рыбохозяйственных и паразитологических исследований. В этих работах принимали участие такие крупные малакологи, как В.И. Жадин, И.М. Лихарев, А.В. Иванов и др. (рис. 10). Коллекции ЗИН и других советских научных учреждений пополнялись сборами моллюсков, сделанными гидробиологами, участвовавшими в различных экспедициях, в том числе – морских высокосиротных (К.М. Дерюгин, Н.М. Книпович, Г.П. Горбунов, А.Л. Бенинг, Н.К. Дексбах и др.). Чисто «описательные» работы по систематике и фаунистике в довоенный период порой расценивались как пережиток «буржуазного» прошлого. На одном из диспутов о «проблеме вида», состоявшемся в Ленинграде весной 1932 г., прозвучали такие слова: «*Голое описание, простая каталогизация явлений, с занесением их в простое протоколирование, не является достаточной <...> Потому что для того, чтобы переделать мир <...> необходимо овладевание законами действительности. Голое же, формальное пустое описание не дает таких законов, на основе которых мы могли бы этой*

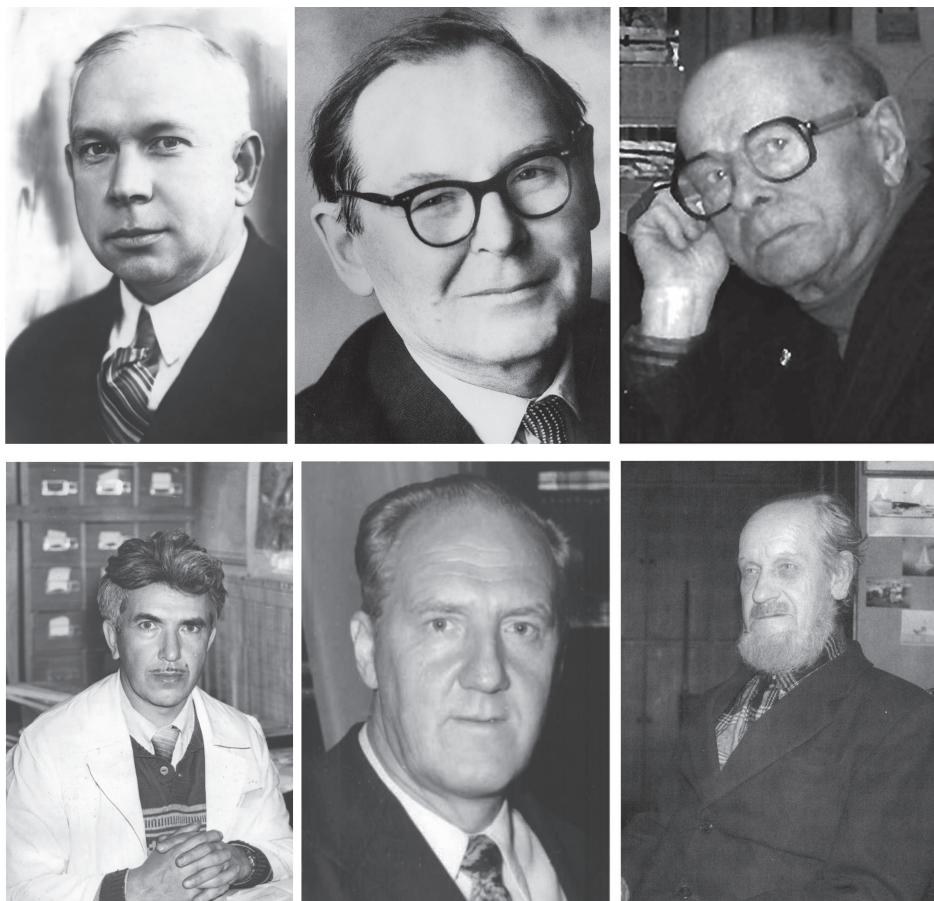

Рис. 10. Отечественные малакологи середины – второй половины XX в. Верхний ряд слева направо – В.И. Жадин, А.В. Иванов, И.М. Лихарев. Нижний ряд слева направо – А.Н. Голиков, О.А. Скарлато, Я.И. Старобогатов. По: Тихонова [2021, 2022], Смирнов [2020], а также из открытых интернет-источников.

Fig. 10. Russian malacologists of the mid- to second half of the 20th century. Top row, left to right: V.I. Zhadin, A.V. Ivanov, I.M. Likharev. Bottom row, left to right: A.N. Golikov, O.A. Scarlato, Ya.I. Starobogatov. After Tikhonova [2021, 2022], Smirnov [2020], and from open Internet sources.

действительностью овладеть и преодолеть имеющиеся трудности»¹⁹. Только в качестве источника утилитарной «пользы» традиционная систематика могла иметь право на существование в социалистическом обществе. Она нужна для решения задач «социалистической реконструкции, задачи переделки мира <...> Скажем, гидробиология – проблема биоиндикаторов, звероводство – система-тика соболей, горностаев и т.д.»²⁰.

¹⁹СПбФ АРАН. Ф. 240. Оп. 1. Д. 35. Л. 59.

²⁰Там же.

Негативное отношение к изучению «бесполезных» групп животных сохранялось и в первые послевоенные годы. Об этом говорит дискуссия на расширенном заседании Президиума АН СССР в конце августа 1948 г. По свидетельству академика Л.А. Орбели, при оценке планов работы ЗИН «многие задавали вопрос: почему у нас зоологи занимаются такими животными, как тли, как клещи, как клопы? Нас больше интересуют коровы, нас больше интересуют овцы, потому что это имеет непосредственное практическое значение. <...> Очень часто раздаются смешки по поводу работ академика Скрябина, который сконцентрировал свою деятельность на изучении глист, гельминтов»²¹. Орбели защищал необходимость занятий всеми группами животных, включая и «никому не нужных», но на том же заседании министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов повторил претензии власти к зоологам, по сути, 15–20-летней давности. Он упрекал Академию наук в том, что ее биологические институты изучают объекты, «не имеющие ничего общего с практикой сельского хозяйства: амфибии, моллюски, ископаемые, насекомые, мухи, кораллы, крабы и другие низшие формы животного и растительного мира»²². Это рассматривалось министром как «крупные ошибки» академической биологии, которые «часто являлись гилями на ногах практиков сельского хозяйства»²³. В результате многолетнего зажима систематики преемник С.А. Зернова на посту директора ЗИН, академик Е.Н. Павловский, вынужден был в специальной статье отстаивать ее важность и нужность и жаловался на трудности, с которыми сталкивается её развитие в СССР [Павловский, 1952].

К счастью, многие из перечисленных выше «перегибов» удалось преодолеть в 1960-е гг., когда политика власти по отношению к науке стала более либеральной (что выразилось, в числе прочего, в смещении в октябре 1964 г. со всех постов академика Т.Д. Лысенко и возврат советской биологии к классической генетике и эволюционной теории).

Период 1960–1980-гг. можно назвать «золотым веком» отечественной малакологии. Во второй половине 20 в. ЗИН возобновляет интенсивные исследования по систематике, фауне и биогеографии моллюсков, не ограничиваясь при этом территорией нашей страны. Начиная с 1961 г., на базе ЗИН регулярно проводятся всесоюзные совещания по изучению моллюсков (эта традиция продолжалась до 2006 г., позднее подобные форумы стали проводиться на базе других учреждений). В изучении моллюсков в тот период активно участвовали сотрудники и других институтов системы Академии наук (а также академий наук союзных республик) – Институт океанологии АН СССР, Лимнологический институт

²¹ Вестник АН СССР, 1948, № 9, с. 29–30. Впрочем, тот же Орбели, упоминая дореволюционный ЗМИАН, охарактеризовал его как «носивший чисто музейный характер и научно-исследовательской работой не занимавшийся» (I.c., с. 28). Видимо, с точки зрения физиолога-экспериментатора, каким был Орбели, описание биологического разнообразия не являлось полноценной наукой.

²² Там же, с. 77. Выделено мной (М.В.).

²³ Там же.

Сибирского отделения АН СССР, Биолого-почвенный институт Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР, Институт биологии моря ДВНЦ АН СССР, Институт биологии южных морей АН УССР, Институт экологии растений и животных Уральского отделения АН СССР. Фактически, в тот период малакологические исследования отечественных зоологов приобрели глобальный масштаб, охватывая практически все континенты и океаны, включая Антарктиду.

Мировое значение приобрели исследования по филогении систематике и биогеографии моллюсков, проводившиеся Я.И. Старобогатовым, А.Н. Голиковым, И.М. Лихаревым, О.А. Скарлато, А.А. Шилейко, К.Н. Несисом, Б.И. Сиренко и другими отечественными малакологами (см. рис. 10). Особо яркой и разноплановой была научная деятельность Я.И. Старобогатова, проводившего масштабные исследования по систематике и филогении практически всех макротаксонов моллюсков, включая и ископаемые группы. Впрочем, в сферу интересов этого автора входили не только моллюски, но и ракообразные, и построение макросистемы животных и органического мира в целом [Старобогатов, 1986].

В 1961 г. был создан Малакологический комитет при Научном совете АН СССР «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира», преемником которого в 1991 г. стало Малакологическое общество РАН. Первым председателем комитета был И.М. Лихарев, с 1987 г. этот пост занял Я.И. Старобогатов [Смирнов, 2011б].

Хотя советская малакология продолжала в немалой степени быть изолированной от мировой (это проявлялось, в том числе и в том, что большая часть научной продукции наших малакологов публиковалась в СССР и на русском языке), влияние отечественной школы прослеживалось в глобальном масштабе. Некоторые монографии из серий «Фауна СССР» и «Определители по фауне СССР», посвященные моллюскам, были изданы в Израиле в переводе на английский язык. Были переведены и опубликованы в журнале «*Malacological Reviews*» авторефераты докладов некоторых малакологических совещаний. В 1962 г. вышел первый номер нового международного журнала «*Malacologia*», издававшегося на пяти языках, включая русский. В состав редколлегии этого издания входили советские специалисты – З.А. Филатова (с 1966 г.), А.Н. Голиков (с 1975 г.), Я.И. Старобогатов (с 1979 г.).

Малакологические исследования в странах бывшего СССР достигли своего пика в количественном отношении к середине 1980-х гг., что демонстрируют сборники авторефератов докладов малакологических совещаний, проводившихся с достаточной регулярностью на базе ЗИН АН СССР в Ленинграде. Наиболее объемным и представительным из таких сборников был том, выпущенный в 1987 г. (рис. 11, 12). В числе авторов докладов было около 350 исследователей, представлявших практически все союзные республики. Широта тематики работ была впечатляющей. Помимо сообщений о филогении, систематике и биогеографии в сборнике были представлены работы по экологии, физиологии, паразитологическому значению моллюсков.

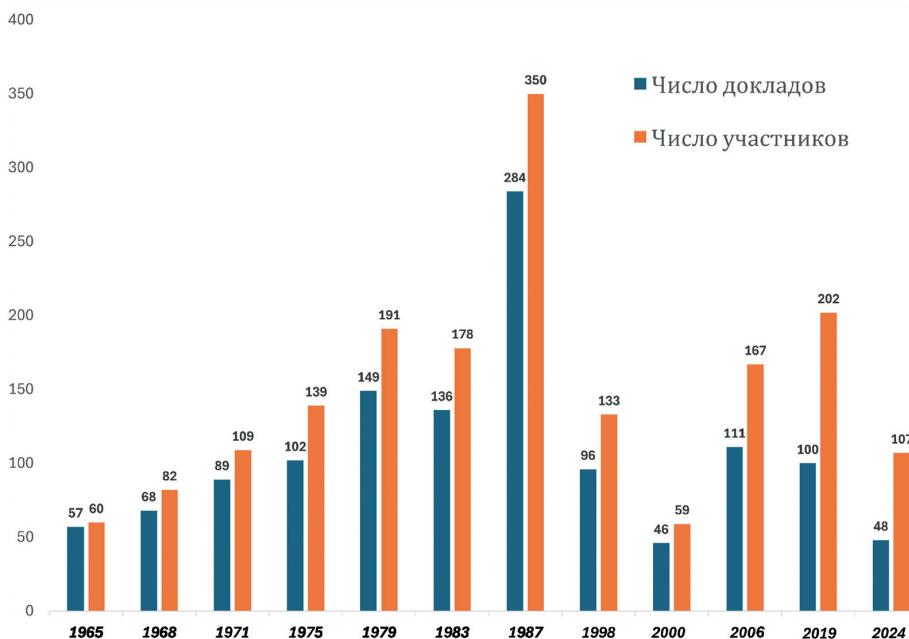

Рис. 11. Изменение числа участников и числа докладов на всесоюзных (позднее всероссийских) совещаниях по изучению моллюсков. Рассчитано по опубликованным сборникам авторефератов и материалов докладов.

Fig. 11. Change in the number of participants and the number of presentations at the All-Union (later All-Russian) conferences on the study of mollusks. Calculated from published collections of abstracts and report materials.

Достаточно полный «портрет» советского научного сообщества малакологов дает и персональный справочник, составленный путем анкетирования О.В. Амитровым [1983]. Несмотря на некоторую неполноту, он содержит сведения о 844 персоналиях с указанием научной специализации и регионов проживания малакологов (в справочник были включены сведения в том числе и о палеомалакологах).

Современный (постсоветский) период развития отечественной малакологии характеризуется рядом противоположных тенденций, из которых к числу негативных следует отнести сокращение числа активно работающих малакологов, уменьшение внимания к прикладным аспектам изучения моллюсков, прогрессирующий распад научных связей между малакологами бывших союзных республик. Ряд научных школ в области малакологии, сложившихся еще во времена СССР, прекратили свое существование, в основном из-за отсутствия преемственности между поколениями и уходом из жизни специалистов старшего возраста. Все эти тенденции наглядно сказались в отрицательной динамике активности малакологов на всероссийских совещаниях по изучению моллюсков (см. рис. 11).

С другой стороны, в постсоветский период в значительной степени преодолена та научная изоляция (не имевшая, впрочем, абсолютного характера),

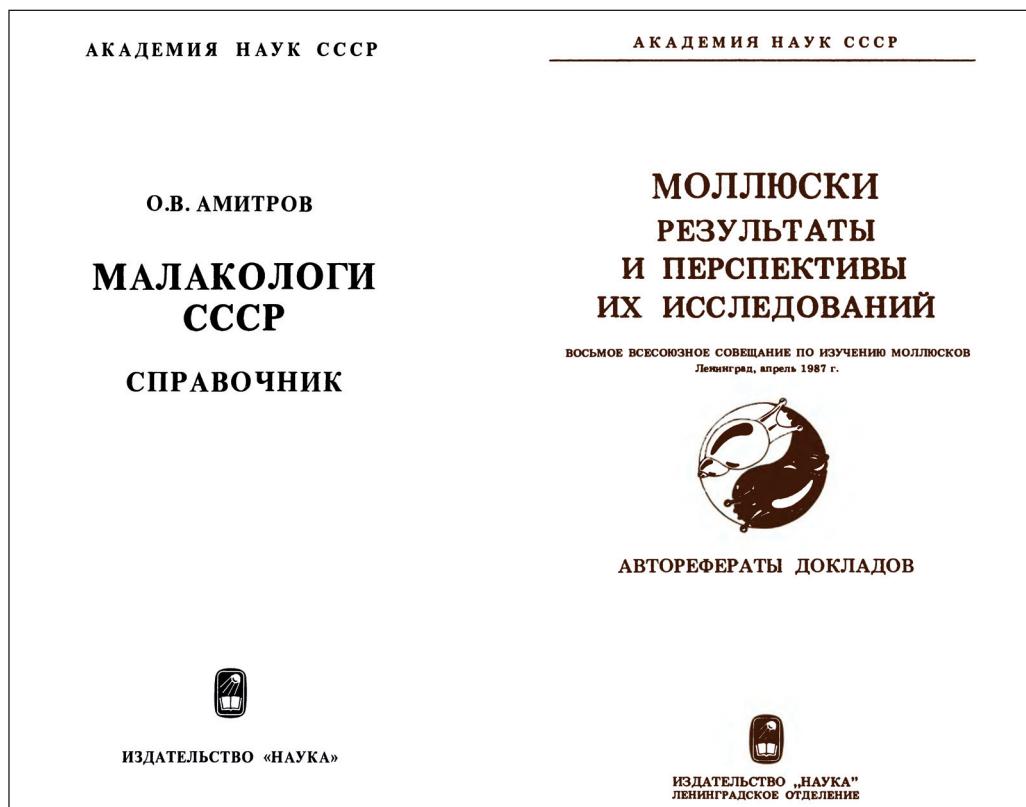

Рис. 12. Обложки справочника О.В. Амитрова [1983] и сборника авторефератов докладов Восьмого Всесоюзного совещания по изучению моллюсков (апрель 1987 г.).

Fig. 12. Covers of the reference book by O.V. Amitrov [1983] and the collection of abstracts of the Eighth All-Union Conference on the Study of Mollusks (April 1987).

которая существовала в эпоху СССР. Многие из активно работающих в России малакологов широко вовлечены в научные коллаборации с коллегами из дальнего зарубежья (что было редкостью в советское время), проводят экспедиционные работы на территории различных стран и континентов, печатаются в международных научных журналах. В число редакторов международной таксономической базы MolluscaBase [MolluscaBase, 2025] входят двое российских малакологов – Ю.И. Кантор и автор этих строк. В ноябре 1994 г. во Владивостоке основано Дальневосточное малакологическое общество – первое и единственное подобное общество, созданное в постсоветский период. Оно активно функционирует и по сей день, его членами являются 62 малаколога из России и других стран [Лутаенко, 2024]. Отечественными специалистами успешно осваиваются новые методы филогенетических и таксономических исследований (в первую очередь – молекулярно-генетических). За последние 10–15 лет в стране сложился

ряд новых научных школ в области малакологии, к исследовательской работе в этой области привлекаются молодые специалисты (хотя и не в таком числе, как того хотелось бы). На подъеме находится изучение филогении, систематики и биогеографии некоторых таксонов: пресноводные *Bivalvia*, некоторые семейства пресноводных *Gastropoda*, голожаберные брюхоногие моллюски – в изучении этих групп отечественные специалисты занимают лидирующие позиции в мире. Продолжают разрабатываться традиционные для советской малакологии темы, такие как изучение морских моллюсков Арктики и Антарктики, биогеографическое зонирование континентальных вод по фауне моллюсков. Возникли и новые направления исследований, например, изучение моллюсков, связанных с хемосинтезирующими сообществами Мирового океана.

Таким образом, по моему убеждению, негативные последствия распада Советского Союза и естественного «отмирания» советских научных школ не привели ни к глубокой стагнации, ни тем более к полной деградации малакологических исследований в нашей стране. Институты Академии наук – наряду с крупными университетами – продолжают лидировать в отечественной малакологии, как в качественном, так и в количественном отношении. Основными академическими центрами по изучению рецентных моллюсков в России в настоящее время являются учреждения, располагающиеся в следующих населенных пунктах: Архангельск, пос. Борок (Ярославская обл.), Владивосток, Иркутск, Москва, С.-Петербург, Севастополь. Значительный вклад вносят сотрудники университетов (Белгород, Москва, С.-Петербург, Томск). Наиболее значительные коллекции рецентных моллюсков сосредоточены в научных учреждениях С.-Петербурга, Москвы, Архангельска, Екатеринбурга и Владивостока.

Полагаю, что российское научное сообщество малакологов может смотреть в свое будущее с осторожным оптимизмом.

Благодарности

Я благодарен своим коллегам, с которыми в разные годы и в разных обстоятельствах мне случалось обсуждать затрагиваемые в статье вопросы. Это Ruud Bank, Alan Kabat, Ted von Proschwitz, Максим Гребенников, Павел Кияшко, Иван Нехаев. Особая благодарность – Константину Анатольевичу Лутаенко за приглашение принять участие в этом сборнике, ценные замечания и указание на ряд пропущенных в исходной версии статьи литературных источников по истории малакологии в России.

Литература

- Абайдулова А.Г. 2021. Петр Симон Паллас и Натуральный кабинет академической Кунсткамеры последней трети XVIII века: к 280-летию ученого // Кунсткамера. Вып. 4(14). С. 222–234.
- Аллатов В.В. 1937. Зоологическая научная литература в СССР. К двадцатилетию Октябрьской революции // Зоологический журнал. Т. 16, № 5. С. 83–90.

- Амитров О.В. 1983. Малакологи СССР: справочник. М.: Наука. 85 с.
- Багалей Д.И. 1904. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Том 2 (с 1815 по 1835 год). Харьков: М. Зильберберг и сыновья. 1136 с.
- Бартенев И. 1902. О русском жемчуге // Дневник Отдела ихтиологии Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений. Т. 10. С. 323–335.
- Белковец Л.П. 1990. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М.: Наука. 144 с.
- Белова О.В. 2001. Славянский бестиарий. Словарь названий и символовики. М.: Индрик. 320 с.
- Беляев О.П. 1800. Кабинет Петра Великого. Отделение третье, заключающее в себе описание древних и новейших российских и иностранных монет и медалей; разных драгоценнейших золотых и серебреных редкостей; российских и чужестранных минералов; окаменелостей, кораллов, раковин, травников, и наконец разных живописных картин, с присовокуплением многих таблиц. С.-Петербург: Императорская типография. 278 с.
- Беспалая Ю.В., Болотов И.Н., Махров А.А., Вихрев И.В. 2012. Историческая география промысла жемчуга в реках южного Беломорья (Архангельская область) // Известия РАН, серия географическая. № 1. С. 96–105.
- Богуцкая Н.Г., Кияшко П.В., Насека А.М. 2013. История зоологических и промысловых исследований // Определитель рыб и беспозвоночных Каспийского моря. Том 1. Рыбы и моллюски. С.-Петербург–М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 35–66.
- Боркин Л.Я. 2011. Добавления к библиографии Петра Симона Палласа // Историко-биологические исследования. Т. 3, № 3. С. 130–157.
- Брандт Ф.Ф. 1865. Зоологический и Зоотомический музей // Записки Императорской Академии наук. Т. 7, кн. 1. С. 1–35.
- Бэр К.М. 1862. О проекте разведения устриц у русских берегов Балтийского моря и о содержании соли в различных частях его // Записки Императорской Академии наук. Т. 1, кн. 2. Приложение 1. С. 1–67.
- Вернадский Г.В. 1998. Русская историография. М.: Аграф. 448 с.
- Винарский М.В. 2010. Очерк истории изучения пресноводной малакофауны Сибири (конец XVIII – середина XX в.) // Ruthenica (Русский малакологический журнал). Т. 20, № 1. С. 45–67.
- Винарский М.В. 2014. От конхологии к малакологии: проблема перехода // Историко-биологические исследования. Т. 6, № 2. С. 7–20.
- Винарский М.В. 2019. «Русский гражданин шведского происхождения»: материалы к биографии В.А. Линдгольма // Труды Зоологического института РАН. Т. 323, № 3. С. 155–186.
- Винарский М.В. 2022. Публикационные практики отечественных зоологов, 1902–1940 // Социология науки и технологий. Т. 13, № 2. С. 103–127.
- Винарский М.В. 2024а. «Фауна России и сопредельных стран»: начальный период издания книжной серии (1911–1923 гг.) // Историко-биологические исследования. Т. 16, № 1. С. 85–109.
- Винарский М.В. 2024б. Три века российской малакологии (к 300-летию Российской академии наук) // Вторая международная научная конференция «Моллюски: биология, экология, эволюция и формирование малакофауны»: материалы докладов, 17–20 сентября 2024 г. Архангельск: КИРА. С. 37–41.
- Гептнер М.В., Иванов Д.Л., Кудряшова Н.И., Межков Б.В., Михайлов К.Г., Сокольская Н.Л. 1991. Коллекции беспозвоночных животных // Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. М.: Изд-во МГУ. С. 36–68.
- Герценштейн С. 1885. Материалы к фауне Мурманского берега и Белого моря. I. Моллюски // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 16. С. 635–814.
- Гнучева В.Ф. 1940. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках // Труды Архива АН СССР. Вып. 4. С. 1–312.
- Голиков А.Н. 1963. Брюхоногие моллюски рода *Neptunea* Bolten // Фауна СССР. Моллюски. Т. V, вып. 1. С. 1–218.
- Давыдов Г.И. 1812. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, описанное сим последним. Часть 2. С.-Петербург: Морская типография. 224 с.

- Деборин А.М. 1930. Диалектика и естествознание. М.–Л.: Госиздат. 354 с.
- Зенкевич Л.А. 1951. Фауна и биологическая продуктивность моря. Том 1. М.: Советская наука. 506 с.
- Зуев В.Ф. 1789. Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующая императрицы Екатерины Вторая. Часть 2. С.-Петербург: Типография Брейткопфа. С. 241–460.
- Иванов Д.Л., Кантор Ю.И. 1991. Малакологическая коллекция П.Г. Демидова в Зоологическом музее МГУ. М.: Изд-во МГУ. 95 с.
- Иванов Д.Л., Сысоев А.В. 2000. Типы моллюсков в Зоологическом музее Московского университета. М.: Изд-во МГУ. 188 с.
- Карамзин Н.М. 1984. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 718 с.
- Кирьянова Е. 1932. Всесоюзная фаунистическая конференция // Природа. № 5. С. 453–458.
- Ковалевский А.О. 1955. Письма А.О. Ковалевского к И.И. Мечникову (1866–1900). М.–Л.: Изд-во АН СССР. 312 с.
- Колчинский Э.И. 1999. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). С.-Петербург: Дмитрий Буланин. 273 с.
- Колчинский Э.И., Смагина Г.И. (ред.). 2007. Летопись Российской Академии наук. С.-Петербург: Наука. Том 4. 1052 с.
- Копелевич Ю.Х. 2022. Основание Петербургской Академии наук. С.-Петербург: Росток. 448 с.
- Кременцов Н.Л. 2005. Научный интернационализм, идеологии, покровители и сети: 7-й Международный генетический конгресс // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX веке. Вып. 3. С.-Петербург: Нестор-История. С. 255–298.
- Криницкий И. 1832. План предпринимаемого описания слизняков в пределах Российского Государства обитающих // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. V. 4. P. 392–415.
- Круликовский Л. 1891. Материалы для познания малакозоологической фауны России // Записки Императорской Академии наук. Т. 66 (приложение 10). С. 1–8.
- Кутикова Л.А., Алимов А.Ф. 2012. Владимир Иванович Жадин – гидробиолог, зоолог, малаколог // Историко-биологические исследования. Т. 4, № 4. С. 50–58.
- Левин В.Л. 1957. Зоология в русских журналах XVIII в. // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 16. С. 201–238.
- Лутаенко К.А. 2016. Леопольд фон Шренк и его вклад в малакологию: к 190-летию со дня рождения // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Т. 20, № 2. С. 101–135.
- Лутаенко К.А. 2024. 30 лет Дальневосточному малакологическому обществу: история и перспективы развития // Вторая международная научная конференция «Моллюски: биология, экология, эволюция и формирование малакофаун»: материалы докладов, 17–20 сентября 2024 г. Архангельск: КИРА. С. 108–112.
- Лутаенко К.А., Волченко И.А. 2009. Типы двустворчатых моллюсков в коллекции Зоологического музея Дальневосточного государственного университета, Владивосток // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Вып. 13. С. 17–33.
- Лутаенко К.А., Даркина С.М. 1994. Коллекция двустворчатых моллюсков Зоологического музея Дальневосточного государственного университета // Вестник Дальневосточного отделения РАН (ДВО РАН). Вып. 1(53). С. 121–124.
- Лутаенко К.А., Нечаева Е.А. 1998. Коллекция двустворчатых моллюсков Музея Института биологии моря ДВО РАН (Владивосток) // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Вып. 2. С. 102–106.
- Любарский Г.Ю. 2009. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М.: Товарищество научных изданий КМК. 744 с.
- Майоров С.Р., Леонов М.В. 2024. Иван Алексеевич Двигубский (1771–1839). М.: Товарищество научных изданий КМК. 153 с.
- Манаков Д.В. 2022. О коллекции пресноводных моллюсков Н.К. Алексеева из Калининградской области (Россия) // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Т. 26, № 1/2. С. 201–230.

- Мартенс Э., фон. 1874. Слизняки (Mollusca) // Путешествие в Туркестан А.П. Федченко. Том 2. Зоогеографические исследования. Часть 1, вып. 1. С.-Петербург–М. 66 с.
- Миддендорф А.Ф. 1869. Сибирская фауна // Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 2. Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. С.-Петербург: Императорская Академия наук. С. 1–618.
- Милашевич К.О. 1916. Моллюски Черного и Азовского морей // Фауна России и сопредельных стран преимущественно по коллекциям Зоологического музея Императорской Академии наук. Петроград. 312 с.
- Новиков П.А. 1957. Зоологический отдел Петербургской кунсткамеры в его историческом развитии // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 14. С. 302–352.
- Новиков П.А. 1962. Зоологические исследования А. Шамиссо и И. Эшшольца во время кругосветной экспедиции О.Е. Коцебу на «Рюрике» (1815–1818) // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 40. С. 248–282.
- Отчет по Зоологическому музею Императорской академии наук за 1901 г. 1902. // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. Т. 7. С. 1–60.
- Павлинов И.Я. 2016. Зоологический музей Московского университета: фрагменты истории (1755–1991) // Зоологические исследования. Вып. 19. С. 57–157.
- Павлинов И.Я., Любарский Г.Ю. 2011. Биологическая систематика: эволюция идей. М.: Товарищество научных изданий КМК. 632 с.
- Павловский Е.Н. 1952. О необходимости развития систематики // Зоологический журнал. Т. 31, № 2. С. 169–175.
- Павловский Е.Н. 1957. Состояние советской зоологии к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции // Зоологический журнал. Т. 36, № 11. С. 1603–1608.
- Пекарский П.П. 1862. Наука и литература в России при Петре Великом. Том 1. С.-Петербург: Общественная польза. 579 с.
- Райков Б.Е. 1958. Первый зоологический атлас в России // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 24. С. 255–283.
- Резниченко О.Г. 1961. Первые отечественные публикации по морским моллюскам-древоточцам и Ломоносов // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический. Т. 65, № 5. С. 27–35.
- Рябинин И.В. 1885. Unionidae Харьковской и Полтавской губерний // Труды Общества испытателей природы при Харьковском университете. Т. 19. С. 159–202.
- Рябинин И.В. 1888. Влияние текучей воды на форму Unionid // Труды Общества испытателей природы при Харьковском университете. Т. 22. С. 225–256.
- Сверлов Н.В. 2003. Наукова номенклатура наземних молюсків фауни України. Львів. 78 с.
- Световидов А.Н. 1978. Типы видов рыб, описанных П.С. Палласом в «Zoographia Rossio-Asiatica» (с очерком истории опубликования этого труда). Л.: Наука. 36 с.
- Серебряков А.Э. 1936. Зоологический кабинет Кунсткамеры // Архив истории науки и техники. Вып. 9. С. 69–128.
- Слепкова Н.В. 2014. «Благодарить именем Академии»: центральноазиатские коллекции Зоологического музея в хронике заседаний Физико-математического отделения ИАН, 1874–1894 // Историко-биологические исследования. Т. 6, № 4. С. 80–104.
- Слепкова Н.В. 2019. Зоологический музей и институт в Петрограде–Ленинграде: от Первой мировой до Великого перелома (1914 – середина 1930-х гг.) // Труды Зоологического института РАН. Т. 323, № 3. С. 268–312.
- Слепкова Н.В. 2022. Зоологический институт Академии наук СССР в 1931–1966 гг.: исторический контекст // Историко-биологические исследования. Т. 14, № 1. С. 55–85.
- Смирнов А.В. 2011а. Пётр Симон Паллас и Зоологический институт Академии наук // Историко-биологические исследования. Т. 3, № 3. С. 107–129.

- Смирнов А.В. 2011б. Малакологическое общество при РАН // Колчинский Э.И., Федотова А.А. (сост.). Биология в Санкт-Петербурге, 1703–2008: энциклопедический словарь. С.-Петербург: Нестор-История. С. 291.
- Смирнов А.В. 2020. Орест Александрович Скарлато – учёный и организатор науки: к 100-летию со дня рождения (1920–1994) // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Т. 24, № 1/2. С. 111–132.
- Смирнов А.В. 2022. Д.Г. Мессершмидт как зоолог // «Sibiria Perlustrata» Д. Г. Мессершмидта – энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. С.-Петербург: Реноме. С. 308–328.
- Соколов В.И., Парнес Я.А. 1993. У истоков отечественной териологии. М.: Наука. 412 с.
- Станюкович Т.В. 1953. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 240 с.
- Старобогатов Я.И. 1986. К вопросу о числе царств эукариотных организмов // Труды Зоологического института АН СССР. Т. 144. С. 4–25.
- Степнов А.О., Грибовский М.В. 2024. Асимметрическая конкуренция: классические университеты и борьба за научное лидерство в позднесоветский период // Вестник Пермского университета. История. № 3(66). С. 60–71.
- Сухова Н.Г., Таммиксаар Э. 2015. Александр Федорович Миддендорф: к двухсотлетию со дня рождения. С.-Петербург: Нестор-История. 384 с.
- Сытин А.К., Сластунов Д.Д. (сост.). 2022. Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра. С.-Петербург: Любавич. 376 с.
- Терентьев П.В. 1957. Материалы к истории отечественной герпетологии // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 16. С. 97–122.
- Тихомандрицкий М.А. 1905. Опыт истории Физико-математического факультета Харьковского университета за первые 100 лет его существования. Харьков: М. Зильберберг и сыновья. 162 с.
- Тихонова Е.Н. 2021. Александр Николаевич Голиков – малаколог и гидробиолог: к 90-летию со дня рождения (29.12.1931 – 18.01.2010) // Бюллетень Дальневосточного малакологического общества. Т. 25, № 1/2. С. 116–152.
- Тихонова Е.Н. 2022. Жизнь и деятельность Владимира Ивановича Жадина в период Великой Отечественной войны // Историко-биологические исследования. Т. 14, № 1. С. 27–54.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. С.-Петербург: А-cad АОЗТ «Талисман». 405 с.
- Шабельский А.В. 1881. Руководство к определению раковин брюхоногих и пластинчатожаберных моллюсков. Харьков: Университетская типография. 126 с.
- Ширина Д.А. 1983. Летопись экспедиций Академии наук на северо-восток Азии в дореволюционный период. Новосибирск: Наука. 134 с.
- Ширина Д.А. 1994. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск: Наука. 272 с.
- Шишкин В.С. 1999. Зарождение, развитие и преемственность академической зоологии в России // Зоологический журнал. Т. 78, № 12. С. 1381–1395.
- Шишкин В.С. 2012. П.С. Паллас и проблема сохранения зоологических сборов XVIII века // Зоологические коллекции России в XVIII–XXI веках: социально-политический и научный контекст. С.-Петербург: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». С. 295–308.
- Штраух А. 1889. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования. С.-Петербург: Типография ИАН. 372 с.
- Юрьев К.Б. 1981. Альберт Себа и его роль в развитии герпетологии // Труды Зоологического института АН СССР. Т. 101. С. 109–120.
- [Amman J., Gmelin J., Du Vernoi J.C., Steller G.W., Wilde J.Ch.]. 1742. Musei Imperialis Petropolitani. Vol. 1, pars prima: Qva Continentur res Naturales ex Regno Animali. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum. 755 p.

- Anistratenko V.V., Anistratenko O.Yu., Kadolsky D.* 2019. Karl E. von Baer's collection of Caspian Sea molluscs stored in the zoological Museum of Lviv University, Ukraine. Part 2. Type materials of gastropod species described by Stephan Clessin and Władysław Dybowski in 1887–1888 // Archiv für Molluskenkunde. Bd. 148, N 1. S. 35–62.
- Anistratenko V.V., Anistratenko O.Yu., Shydłowskyy I.V.* 2018. Karl E. von Baer's collection of Caspian Sea molluscs stored in the Zoological Museum of Lviv University, Ukraine. Part 1. Catalogue and general description // Archiv für Molluskenkunde. V. 147, N 2. P. 223–236.
- Anistratenko V.V., Sitnikova T.Ya., Kijashko P.V., Vinarski M.V., Anistratenko O.Yu.* 2020. A review of species of the genus *Theodoxus* (Gastropoda: Neritidae) of the Ponto-Caspian region, with considerations on available type materials // Ruthenica (Русский малакологический журнал). V. 30, N 2. P. 115–134.
- Baer K.E., von.* 1855. Ueber das Wasser des Kaspischen Meeres und sein Verhältniss zur Mollusken-Fauna // Baer K.E. von. Kaspische Studien. St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. S. 1–22.
- Beck H.H.* 1838. Species Novarum in Indice Molluscorum Praesentis Aevi Musei Principis Christiani Frederici ab Autore Propositarum Characteres Breves. Hafniae. 124 pp.
- Boettger O.* 1890. Zur Molluskenfauna des russischen Gouvernements Perm und des Gebietes südöstlich von Orenburg. II. // Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft. Bd. 22, N 9/10. S. 161–173.
- Bourguignat J.-R.* 1861 (1860). Catalogue des mollusques de la famille des paludinées recueillis jusqu'à ce jour en Sibérie et sur la territoire de l'Amour // Revue et Magasin de Zoologie. Series 2. V. 12. P. 531–537.
- Broderip W.J., Sowerby G.B.* 1829. Observations on new or interesting Mollusca contained, for the most part, in the Museum of the Zoological Society // Zoological Journal. V. 4. P. 359–379.
- Clessin S.* 1894. Beschreibung neuer Arten aus der Umgebung des Issykkul-sees // Nachrichtsblatt der Deutschen Malakozoologischen Gesellschaft. Bd. 26. S. 64–66.
- Dance S.P.* 1967. Report on the Linnaean shell collection // Proceedings of the Linnean Society of London. V. 178, N 1. P. 1–24.
- Dance S.P.* 1986. A history of shell collecting. Leiden: E.J. Brill – Dr. W. Backhuys. 230 p.
- Dwigubski J.* 1802. Primitiae Faunae Mosquensis, seu Enumeratio Animalium, quae Sponte Circa Mosquam Vivunt, Quam Speciminis Loco. Mosquae: Typis Caesareae Mosquensis Universitatis. 215 p.
- Eichwald E.* 1829. Zoologia Specialis Quam Expositis Animalibus tum Vivis, tum Fossilibus Potissimum Rossiae in Universum, et Poloniae in Specie, in Usum Lectionum Publicarum in Universitate Cæsarea Vilnensi Habendarum. Pars Prior. Propaedeuticam Zoologiae Atque Specialem Heterozoorum Expositionem Continens. Vol. 1. Vilnae: J. Zawadzki. 314 p.
- Eichwald E.* 1830. Naturhistorische Skizze von Lithuania, Volhynien und Podolien in Geognostisch-mineralogischer, Botanischer und Zoologischer Hinsicht. Vilnae: J. Zawadzki. 256 p.
- Fischer von Waldheim G.* 1807. Museum Demidoff, ou, Catalogue Systématique et Raisonné des Curiosités de la Nature et de l'Art: Données à l'Université Impériale de Moscou par son Excellence Monsieur Paul de Demidoff. Tome III. Végétaux et Animaux. Moscou: Imprimerie de Université Impériale de Moscou. 300 p.
- Fries Th.M.* 1912. Bref och skrifvelser af och till Carl von Linné med understöd af Svenska staten utgifna af Upsala universitet. Vol. 1, N 6. Stockholm: Aktiebolaget Ljus. 445 p.
- Georgi J.G.* 1774. Der Baikalische Pan // Georgi J.G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in Jahre 1772. Bd. 1. St. Petersburg: Kaiserliche Academie der Wissenschaften. S. 155–193.
- Georgi J.* 1801. Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des russischen Reiches zur Übersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Th. 3, Bd. 6. Königsberg: F. Nicolovius. S. 1681–2222.
- Gmelin I.G.* 1728. De radiis articulatis ladipeis. Cum tabula eari inciso // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 3. P. 246–264.

- Heppel D. 1995. The long dawn of malacology: a brief history of malacology from prehistory to the year 1800 // *Archives of Natural History*. V. 22, N 3. P. 301–319.
- Herbert D.G. 1995. Comment on the southern African limpets described from the Demidoff collection by Fischer von Waldheim (1807) // *Apex*. V. 10. P. 25–26.
- Ivanov D.L., Kantor Y.I., Sysoev A.V., Egorov R.V. 1993. Type specimens of molluscs described by G. Fischer von Waldheim in 1807 // *Apex*. V. 8, N 3. P. 71–94.
- Kaleniczenko J., de. 1839. Notice sur le professeur J.A. de Krynicki // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. V. 12. P. 25–33.
- Kaleniczenko J. 1853. Revision des Escargots (Helices) russes enumérés par J.A. Krynicki. // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. V. 26. P. 68–94.
- Kojevnikov A. 2008. The phenomenon of Soviet science // *Osiris. Second series*. V. 23. P. 115–135.
- Krynicki J.A. 1833. Novae species aut minus cognitae e Chondri, Bulimi, Peristomae Helicisque generibus praecipue Rossiae meridionalis // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. V. 6. P. 391–436.
- Krynicki J.A. 1836. Helices proprie dictae hucusque in limitibus Imperii Rossici observatae // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. V. 9. P. 145–214.
- Krynicki J.A. 1837. Conchylia tam terrestria, quam fluviatilia et e maribus adjacentibus Imperii Rossici indigena, quae pro mutua offeruntur historiae naturalis cultoribus // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. V. 10. P. 50–64.
- Linnaeus C. 1758. *Systema Naturae per Regna Tria Naturae, Secundum Classes, Ordines, Genera, Species, Cum Characteribus, Differentiis, Synonymis, Locis. Editio decima, reformata*. Vol. 1. Holmia: L. Salvius. 824 p.
- Linnaeus C. 1767. *Systema Naturae per Regna Tria Naturae: Secundum Classes, Ordines, Genera, Species, Cum Characteribus, Differentiis, Synonymis, Locis. Editio 12. 1, Regnum Animale*. Vol. 2. Holmia: L. Salvius. P. 533–1327.
- Lutaenko K.A. 2015. The arcid collection of Carl Emil Lischke in the Zoological Institute, St.-Petersburg // *Archiv für Molluskenkunde*. V. 144. P. 125–138.
- Lutaenko K.A., Chaban E.M. 2016. Bivalve collection of C.E. Lischke in the Zoological Institute, St. Petersburg: Mytilidae, Ungulinidae and Tellinidae // *Korean Journal of Malacology*. V. 32. P. 141–147.
- Martens E., von. 1882. Über centralasiatische Mollusken // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, Series 7*. V. 30, N 11. P. 1–65.
- Martynov A.V. 2002. The shell collection of J.H. Chemnitz in the Zoological Institute, St. Petersburg // *Ruthenica (Русский малакологический журнал)*. V. 12, N 1. P. 1–18.
- Ménétriés E. 1832. Catalogue Raisonné des Objets de Zoologie Recueillis dans un Voyage au Caucase et Jusqu'aux Frontières Actuelles de la Perse Enterpris par Ordre de S.M. l'Empereur. St. Petersburg: Imprimerie de l'Académie des Sciences. 271 p.
- Middendorff A., v. 1848. Grundriss für eine Geschichte der Malacozoographie Russlands // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. T. 21, N 2. P. 424–473.
- MolluscaBase (Eds). 2025. MolluscaBase. Accessed at <https://www.molluscabase.org> on 2025-03-05. doi: 10.14284/448.
- Pacaud J.-M., Pons J. 2015. Le genre *Rimella* (Mollusca, Gastropoda, Rostellariidae) à l'Éocène du bassin de Paris. Description d'une nouvelle espèce du Lutétien inférieur (Éocène moyen) // *Cossmanniana*. V. 17. P. 90–112.
- Pallas P.S. 1766. *Miscellanea Zoologica. Quibus Novae Imprimis Atque Obscurae Animalium Species Describuntur et Observationibus Iconibusque Illustrantur*. Haaga: Petrum van Cleef. 224 p.
- Pallas P.S. 1771. *Reise Durch Verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs*. Bd. 1. St. Petersburg: Kaiserliche Academie der Wissenschaften. 504 S.
- Pallas P.S. 1788. *Marina varia, nova et rariora* // *Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. V. 2. P. 229–249.

- Pisaryev S.M. 2022. Hydromalacological researches in the Siverskyi Donets River Basin (south of the Eastern European Plain): a review // *Studia Biologica*. V. 16, N 1. P. 67–86.
- Rathke H. 1833. Zoologischer Atlas, Enthaltend Abbildungen und Beschreibungen Neuer Thierarten, Während des Flottcapitains v. Kotzebue Zweiter Reise un die Welt, auf der Russisch-Kaiserlichen Kriegsschlupp *Predpriaetie* in den Jahren 1823–1826. Berlin: G. Reimer. 28 S.
- Razoumowsky G., de. 1789. *Histoire Naturelle du Jorat et de ses Environs; et Celle des Trois Lacs de Neufchatel, Morat et Bienne; Précédées d'un Essai sur le Climat, les Productions, le Commerce, les Animaux de la Partie du Pays de Vaud ou de la Suisse Romande, qui Entre dans le Plan de cet Ouvrage*. Tome 1. Lausanne: Mourer. 322 p.
- Rossmässler E.A. 1836. *Iconographie der Land- & Süßwasser- Mollusken, mit Vorzüglicher Berücksichtigung der Europäischen noch nicht Abgebildeten Arten*. Bd. 1, N 3. Dresden, Leipzig: Arnoldische Buchhandlung. 33 S.
- Rossmässler E.A. 1837. *Iconographie der Land- & Süßwasser- Mollusken, mit Vorzüglicher Berücksichtigung der Europäischen noch nicht Abgebildeten Arten*. Bd. 1, N 5/6. Dresden, Leipzig: Arnoldische Buchhandlung. 70 S.
- Rumphius G.E. 1705. *D'Amboinsche rareiteitenkamer, Behelzende eene beschryvinge van allerhande zoo weeke als harde Schaalvisschen, te weeten raare Krabben, Kreeften, en diergeleyke Zeedieren etc.* Amsterdam: F. Halma. [32]+340+[41] p.
- Schrenck A., v. 1848. Über der Land- und Süßwasser- Mollusken Livlands // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. T. 21. P. 135–185.
- Schrenck L., v. 1867. Mollusken des Amur-Landes und des Nordjapanischen Meeres // *Reisen und Forschung im Amur-Landes in den Jahren 1854–1856*. St.-Petersburg: Akademie der Wissenschaften. Bd. 2, N 3. S. 259–974.
- Seba A. 2017. *Cabinet of Natural Curiosities: the Complete Plates in Colour, 1734–1765*. Köln: Taschen. 745 p.
- Shirokaya A.A., Sitnikova T.Ya., Vinarski M.V., Palatov D.M., Kijashko P.V., Izzatullaev Z.I. 2019. Fresh- and brackish-water gastropod taxa described by Zuvalidullo I. Izzatullaev // *Archiv für Molluskenkunde*. Bd. 148, N 2. S. 197–261.
- Siemaschko J., v. 1847. Beitrag zur Kenntniss der Konchyliens Russlands // *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. T. 20. P. 93–131.
- Sitnikova T.Ya. 2019. Baikal gastropods described by W.A. Lindholm // *Proceedings of the Zoological Institute, Russian Academy of Sciences*. V. 323, N 3. P. 214–252.
- Sitnikova T.Ya., Sysoev A.V., Kijashko P.V. 2017. Species of freshwater gastropods described by Ya.I. Starobogatov: Pulmonata (Acroloxidae), Heterobranchia (Valvatidae) and Caenogastropoda (Viviparoida, Truncateoidea and Cerithioidea) // *Proceedings of the Zoological Institute, Russian Academy of Sciences*. V. 321, N 3. P. 247–299.
- Sitnikova T.Ya., Sysoev A.V., Prozorova L.A. 2014. Types of freshwater gastropods described by Ya.I. Starobogatov, with additional data on the species: family Lymnaeidae // *Zoologicheskie Issledovaniya*. V. 16. P. 7–37.
- Slepkova N.V., Martynov A.V., Dolgolenko M.A. 2003. On a possible origin of three engraved nautiluses from the early collections of the Peter's the Great Kunstkammer in St. Petersburg // *Proceedings of the Zoological Institute, Russian Academy of Sciences*. V. 299. P. 131–140.
- Stafleu F.A. 1971. Lamarck: the birth of biology // *Taxon*. V. 20, N 4. P. 397–442.
- Vinarski M.V. 2009. The taxonomic status of *Limnaeus gebleri* Middendorff, 1851 (Gastropoda: Pulmonata: Lymnaeidae) // *Mollusca* (Dresden). V. 27, N 2. P. 149–156.
- Vinarski M.V. 2014. The birth of malacology: when and how? // *Zoosystematics and Evolution*. V. 90, N 1. P. 1–5.
- Vinarski M.V. 2019. W.A. Lindholm: A bibliography of his malacological publications with the catalogue of molluscan taxa described by him or named in his honour // *Proceedings of the Zoological Institute, Russian Academy of Sciences*. V. 323, N 3. P. 187–213.

- Vinarski M.V. 2020. Alan Mozley: an American malacologist in Siberia (1932–1933) // *Folia Malacologica*. V. 28, N 4. P. 326–336.
- Vinarski M.V. 2021. The great Empire's malacologist: Alexander von Middendorff's contribution to the study of molluscs // *Ruthenica* (Русский малакологический журнал). V. 31, N 4. P. 177–196.
- Vinarski M.V. 2023. Not a silent invasion: the reaction of European naturalists to the spread of zebra mussel (*Dreissena polymorpha*) in the 19th – early 20th century // *Diversity*. V. 15(12). Art. 1203 (<https://doi.org/10.3390/d15121203>).
- Vinarski M.V., Kijashko P.V., Andreeva S.I., Sitnikova T.Ya., Yanina T.A. 2024. Atlas and catalogue of the living mollusks of the Aral and Caspian Seas // *Vita Malacologica*. V. 23. P. 1–124.
- Waga A. 1842. [Necrologie d'Jean Krynicki] // *Revue Zoologique par le Société Cuvierenne* [pour 1842]. P. 299–300.
- Westerlund C.A. 1877. Sibirien Land- och Sötvatten Mollusker // *Konglige Svenska Vetenskaps-akademiens Handlingar*. V. 14, N 12. P. 1–112.
- Westerlund C.A. 1887. Land- och Sötvatten-Mollusker insamlade under Vega-Expeditionen af O. Nordqvist och A. Stuxberg // *Vega-Expeditionens Vetenskapliga Iakttagelser*. Bd. 4. Stockholm: Bejer. S. 143–220.
- Westerlund C.A. 1897. Beiträge zur Molluskenfauna Russlands (Nach den Sammlungen des Zoologischen Museums der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg) // *Annuaire du Musée Zoologique de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg*. V. 2. P. 117–143.

Published online July 18, 2025